

Влада Ольховская

СМЕРТЕЛЬНЫЕ ЗМЕИ

Влада Ольховская

Смертельные змеи

Серия «Знак Близнецов», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58172812

Аннотация

Мало что может испортить новогоднее настроение сильнее ледяного дождя – пожалуй, только самоубийца, которого приходится снимать с карниза крыши. Едва следователь федеральной полиции Австралии Сандра Моррис справляется с этим, как ее вместе с напарником направляют на расследование зловещего и опасного дела: похоже, в обычной московской многоэтажке побывал сумасшедший. Смерть молодой девушки превратили в ритуал, подозреваемых даже слишком много – личная жизнь у погибшей была бурной. Однако Сандра и Ян подозревают, что в этой истории все намного сложнее, чем кажется. А значит, с расследованием нужно спешить, пока не появились новые жертвы.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	34
Глава 3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Влада Ольховская

Смертельные змеи

Смертельные змеи – род австралийских змей, относящийся к числу самых ядовитых на планете. В отличие от многих других змей, не стремятся уползти, услышав приближение человека. Смертельные змеи замирают, готовые напасть в любой момент, и ждут до последнего. Судьба хранит тех, кому удастся пройти мимо затаившейся змеи, не задев ее. Но стоит человеку коснуться смертельной змеи – и она нападает без сомнений и жалости.

Глава 1

Мало что может испортить новогоднее настроение так же сильно, как зимний дождь. Пожалуй, только самоубийца, стоящий на обледенелом карнизе крыши.

Александр Эйлер тем вечером не повезло: ей досталось и то, и другое.

Собственно, самоубийцу она почти проглядела – как раз благодаря дождю. Александр опять не спалось, она решила, что поздняя прогулка не повредит ни ей, ни Гайе. Ну а пес и вовсе никогда не отказывался от возможности покинуть квартиру – ему, привыкшему в Австралии к свободному выгулу, было тесно даже в трех комнатах. Когда они покидали дом, их встречала морозная, но все же сухая ночь. Уже потом, когда они отошли чуть дальше, небо начало ронять первые робкие слезы – не горестное рыдание природы, а так, мелкое нытье.

Тогда Александра натянула капюшон и решила, что прогулку она сократит, но домой не побежит. Еще чего не хватало, из-за какой-то мороси! А природа словно услышала ее мысли, обиделась, и скоро морось превратилась в мстительно крупные капли. Дождь со льдом. Сомнительная радость.

Тут уже и Александра, с ее упрямством, вынуждена была поднять белый флаг.

– Извини, Гайя, но погулять придется потом. Живая хо-

зьяка всяко лучше вмерзшей в асфальт!

Гайя окинул ее полным сомнения взглядом, но подчинился. Они не пошли прежним путем, нацеленным на долгую неспешную прогулку. Вместо этого Александра стала подбирать маршрут покороче, свернула во дворы – и там нарвалась на неприятную находку.

Было темно, а она еще и шла, низко опустив голову из-за дождя. Она бы и не подумала смотреть на крыши – с чего бы? Так что она бы прошла мимо того дома, если бы Гайя вдруг не остановился. Пес демонстративно уселся на асфальт, глядя куда-то вверх. В иное время Александре этого хватило бы, чтобы понять намек. Но она, вымокшая, замерзшая, уже шмыгающая носом, мыслями была в теплой ванной, не обрадовалась задержке в пути и намеки понимать не желала.

– Seriously? Ты именно сейчас решил выразить свой протест? Гайя, ты можешь быть дикой собакой и хозяином равнин, но ты получишь по заднице газетой, как долбаный пудель, если сейчас же не отнесешь эту задницу домой!

Он обычно подчинялся ей. Он и сейчас должен был подчиниться – это же Гайя! Основа их отношений была очень проста: Александра не приказывает ему без нужды, но уж если приказывает, он слушается. Так что ему полагалось хотя бы изобразить хорошего мальчика и двигать домой.

А вместо этого он поднял морду к небу и завыл.

Другой пес на его месте, пожалуй, залаял бы, но Гайя лаять не умел, как и все динго. Внешне он был не очень-то по-

хож на волка – скорее, на крупную рыжую дворнягу. Но когда из его пасти вырывался этот вой, первобытный, пробирающий до костей, сразу становилось ясно, что от дворняг Гайя бесконечно далек.

Влажный ночной воздух подхватил этот вой, закружил, разнес по дворам вместе с дождем. Александре оставалось лишь посочувствовать тем, в чьи квартиры голос Гайи ворвался через открытые форточки. Да уж, новогодний сюрприз для достопочтенных горожан, многие из которых волков видели только на экране!

– Ладно, ладно, хватит уже, настоял на своем!

Она понимала, что просто так Гайя капризничать не будет. Вот тогда Александра и посмотрела вверх, чувствуя, как кожу жалят ледяные капли. Наверху, на крыше дома, возле которого уселся Гайя, стоял, покачиваясь, человек.

Если бы в этом доме кто-то жил, вой дикого пса наверняка бы перебудил всех, кроме глухих. Однако окна остались темными, а еще – мутными от грязи, накапливавшейся месяцами. Некоторые уже затянули пленкой, а на дверях были намотаны пластиковые ленты и таблички о том, что здание находится на реставрации. Почему его не огородили забором – Александра понятия не имела. Может, еще не успели. Может, даже не собирались.

Ей сейчас важно было другое: о существовании человека, собиравшегося сотворить грандиозную глупость, знали только она и Гайя. Больше никто не мог ему помочь.

Александра понимала, что вот прямо сейчас ей полагается прийти в ужас. Всплеснуть руками, позвонить в полицию, расплакаться для усиления эффекта. Почти любая девушка на ее месте поступила бы так. А может, убежала бы в ночь, стараясь забыть увиденное, как страшный сон. Она ведь не виновата в том, что случилось с этим человеком, правильно? Значит, и отвечать не ей!

Но она не стала ни звонить, ни бежать. Священного трепета перед смертью, подступившей так близко к кому-то, Александра не испытывала, слишком уж часто она встречалась со смертью сама. Звонить она тоже не стала: сюда вряд ли пришлют грамотного психолога, а наряд патрульных только усугубит ситуацию. Нужно было действовать быстро – а значит, действовать самой. Так что Александра пока чувствовала лишь глухое раздражение из-за какого-то придурка, которому приспичило поиграть в Бэтмена в такую омерзительную погоду.

– Ты нас в это втравил, – бросила она Гайе. – Вот и помогай теперь!

Не похоже, что человек на крыше ее заметил. Он так и стоял там, не решаясь сделать последний шаг... Значит, сомневается. Это хорошо. Самоубийцы, которые все для себя решили окончательно, не ждут вот так, они если и жалеют, то уже в полете. Но этот тип, кем бы он ни был, на грани: он выбрал безлюдное место, где желающих его спасти вроде как не должно быть.

Александра не стала орать ему с земли, глупее занятия не придумаешь. Она быстро определила, какую из дверей дома вскрыл самоубийца, и пошла по его маршруту. Гайя следовал за ней, неслышный, как тень.

В доме было пять этажей – но старых, не меньше трех метров потолки. Достаточная высота, чтобы убиться, особенно грохнувшись на ледяной асфальт. Да еще дождь этот... Тут если сам псих передумает, нужно не поскользнуться случайно!

Александра преодолела лестницу, даже не запыхавшись, давали о себе знать упорные тренировки. Скоро она стояла на пологой крыше, покрытой крупными трещинами и островками засохшего мха. Самоубийца теперь был шагах в пяти от нее – уже на краю, но еще по безопасную сторону проржавевшего ограждения, очерчивавшего крышу. Впрочем, если он тут решит попрыгать, его эта вялая пародия на заборчик не остановит.

На крыше было темно – во дворе не работали фонари, сюда долетал только отблеск близких улиц города, который никогда не спит. Усилившийся дождь усложнял дело, однако Александра все равно сумела разглядеть, что перед ней мужчина, не слишком молодой, но и не старый, промокший насквозь и замерзший. А еще – пьяный вдрызг, и это наверняка было одной из причин, по которым решение сигануть с крыши показалось ему гениальным.

– Знаешь, я бы на твоём месте этого не делала, – сказала

Александра.

Она говорила тихо, близко не подходила, но мужчина все равно вздрогнул. Оборачиваясь к ней, он пошатнулся так, что чуть не упал, но успел в последний момент ухватиться за ограждение. Ржавая рухлядь опасно накренилась, готовая отправиться в последний путь вместе с человеком.

Это лишь доказывало Александре, что нужно быть особенно осторожной.

– Ты... кто? – с трудом произнес он.

Да уж... Язык заплетается, взгляд мутный, кажется, толком и не фиксируется. Мужик этот в худшем состоянии, чем она ожидала! Как на ногах стоит – вообще непонятно.

– Твой ангел-хранитель, – представилась Александра. – Ты зачем прыгать собрался? Другого места не нашел?

– Я н-не... Н-не...

– Не знаешь ты, что тут делаешь. Оно и видно. Слушай, иди сюда, поговорим нормально? Холодно же! Хочешь попрыгать – купим тебе скакалку, но про крыши забудь!

«Вот не зря Эрик говорил, что я – фиговый психолог», – подумала она. Страха Александра по-прежнему не чувствовала. Перед ней был взрослый мужчина, который нес ответственность за свою жизнь – и смерть. Никто ведь не заставляет его тут торчать, сам пришел! И если прыгнет, будет виноват сам.

Но это не значит, что она собиралась бросить его.

Мужчина то ли не услышал ее слова из-за дождя, то ли не

понял их. Он по-прежнему смотрел в ее сторону – скорее, на звук повернулся, не похоже, что он до конца осознал ее присутствие. А до Александры только теперь дошло, что он плачет.

Рассмотреть это в темноте было трудно, но у нее наконец получилось. И это были не истеричные рыдания алкоголика. Похоже, он даже не замечал эти слезы – они просто срывались с глаз. Их в его подсознании порождало то же, что заставило его подняться на крышу.

– Я... н-не хочу... умирать... – прошептал он. Судя по голосу, он уже начал замерзать.

– Так и не надо!

– Н-но я... дол-лжен...

– Кому?

– Н-надо... Д-должен... За такое...

– Парень, посмотри на меня! Что ты мог такого сделать, что сам себя к казни приговорил? Однако разговаривать с ним было бесполезно. Его сознание было повреждено алкоголем, загнано в замкнутый круг. Скорее всего, он не привык столько пить, и теперь это играло против него.

Он оказался заперт внутри парадокса. Самоубийство – это капитуляция, отказ от ответственности за свою жизнь. Этот мужчина, похоже, сдаваться не привык, и сама его природа протестовала против такого финала. В то же время, он был достаточно умен, чтобы поддаться совести – от этой кары освобождены блаженные маргиналы, которые от душевных

терзаний не страдают. Он совершил нечто такое, что наполнило его отвращением к себе самому.

Вот только это в глазах Александры было не недостатком, а преимуществом. Он был способен стыдиться, винить себя, страдать из-за поступка... На матерого уголовника никак не тянет!

Но объяснять это ему было бесполезно. Предыдущая попытка поговорить с ним показала, что он сейчас абсолютно не способен к диалогу. Значит, придется по-другому.

Александра звонко свистнула – так, что свист получился чуть ли не громче воя Гайи. Этим умением она искренне гордилась, а Эрик, смеясь, называл ее за такое пацанкой. Резкий громкий звук проник в пьяное сознание куда эффективнее слов. Самоубийца замолчал, перестал сетовать на неминуемость своей кары и тупо уставился на Александру. А она не собиралась с ним ворковать, она обратилась к нему тоном, который про себя называла «злой и гадкий полицейский».

– Значит, так! Сюда иди. Никакой смерти не будет.

– Н-но... должен...

– Заткнись и иди сюда, я из полиции, я буду решать, что с тобой делать, если ты совершил преступление, – Александра даже продемонстрировала ему удостоверение, хотя он не мог ничего разглядеть через темную пелену дождя. – Умирать я тебе запрещаю! Иди ко мне, будем разбираться!

Приказной тон подействовал. Мужчина сделал к ней шаг, потом – второй. Он шел медленно не потому, что еще сомне-

вался, подчиниться ей или нет. Его просто вело в сторону при каждом движении. Казалось, что даже сознание удерживается в нем лишь усилием воли.

Это могло привести к беде: на мокрой крыше и трезвому-то удержаться непросто! К счастью, этих двух шагов, которые кое-как вымучил самоубийца, хватило. Гайя, незаметный, быстрый и ловкий, подкрался к нему сзади. Пес был обучен выполнять команды – но умел и принимать решения самостоятельно. Вечный дар тех, кто родился свободным. Теперь он сделал то, что Александра не решилась бы приказать: поднялся на задние лапы и толкнул мужчину в спину.

Самоубийца, конечно же, упал, но не назад, в разинутую пасть бездны, а вперед. Он растянулся на крыше прямо перед Александрой, а она схватила его за руку и перетащила на чердак.

Здесь тоже было холодно и шумно из-за барабнящего по крыше дождя. Но сухо – уже плюс. Она усадила мужчину возле стены, потому что подняться он пока не мог. Его лицо стало безразличным, ничего не выражающим, и Александра без зазрений совести направила ему на глаза фонарик мобильного телефона. Зрачки были расширены. Похоже, в принятии решения прыгнуть с крыши участвовал не только алкоголь.

– Трындец, – резюмировала Александра. – Ты где довел себя до такого состояния? Что тыпил?

– В-водку... Кажется...

– Нет, парень, не только водку, в тебе теперь много намешано. Часть этого коктейля рвется уложить тебя баиньки, часть требует убиться, а мозг не справляется. У тебя алкогольное отравление, как минимум, нужно срочно доставить тебя в больницу!

И тут он, вроде как потерявший интерес ко всему, почти коматозный, встрепенулся.

– Нет! Нельзя... Н-нельзя...

– Серьезно? А умереть можно? Хотя так себе, конечно, аргумент для самоубийцы... Да не бойся ты, я не скажу, что ты собирался сделать, если ты дурки боишься! Скажу, что просто на улице нашла.

– Нельзя!

И было в его глазах что-то такое, что подсказывало: это не просто пьяный бред. Ему и правда страшнее попасть в больницу, чем умереть. Вроде как это не было проблемой Александры, и все же... Она слишком хорошо помнила дни, когда сама нуждалась в помощи, с которой никто не спешил.

– Ладно, будем действовать по-другому... Как тебя зовут? У тебя есть родня? Кому мне позвонить?

Однако на просьбе забыть о больнице период ясности закончился. Мужчина решил, что сейчас самое время снова превратиться в живую куклу, пляшущую в одну точку. Александре пришлось обыскать его карманы, но и это ни к чему не привело. У него с собой был только кошелек, документов и мобильного не оказалось.

– Да уж, усложнил бы ты полиции задачу, если бы все-таки решил сигануть вниз, – невесело усмехнулась Александра. – Оставить тебя нельзя, в больницу нельзя... Чувствую, я еще пожалею об этом. Гайя, зараза такая, это ты виноват!

Но Гайя, судя по морде, не чувствовал за собой никакой вины.

Александра заставила мужчину подняться на ноги, и он с трудом подчинился. Взгляд все больше стекленел, и это ей катастрофически не нравилось. Нужны были отчаянные меры...

– Я бы сказала, что ты простишь меня за это, когда протрезвеешь, но... Ты это даже не вспомнишь. Хотя попытайся все-таки усвоить: вот что происходит с мальчиками, которые хлещут в клубах всякую гадость!

Она мягко надавила ему рукой на спину, заставляя наклониться вперед, а потом резко ударила коленом в живот. Эффект был именно такой, какого и ожидала Александра – она не раз проделывала этот трюк на австралийских алкашах. Мужчина повалился на четвереньки, и его начало выворачивать наизнанку. Был, конечно, и менее травматичный способ вызвать рвоту, но он не нравился Александре.

Состояние мужчины указывало, что львиная доля дряни, которую он принял, успела усвоиться. Но что желудок очистил – это хорошо, должно стать полегче. Александра посветила фонариком на то, что покинуло тело мужчины, и поморщилась.

– Похоже, ты всю ночь коктейли пил... Парень, это не дело, ты ведь никогда не знаешь, что в них! Ладно, пошли.

До дома оставалось немного – минут десять даже с учетом скорости ее нетрезвого спутника. Эти десять минут стали для Александры последним шансом передумать. Она ведь выпускала в свою жизнь нехилые неприятности! Для себя она решила так: если он отключится по пути, она все-таки вызовет скорую. Не хватало еще тащить этого бугая на себе! Да, это принесет ему проблемы, зато избавит от проблем ее. Вполне честно.

Но мужчина словно почувствовал это каким-то немислимым чутьем и до квартиры дотянул, хотя под конец недолгого путешествия его била крупная дрожь.

Вот тут Александра и порадовалась тому, что у нее была собственная квартира. Теперь уже была.

В принципе, сегодня она могла бы привести незнакомца и в общую с братом квартиру. Этой ночью Яна не было дома, Алиса уговорила его заночевать у нее в гостях, так что объясняться с ним пришлось бы только утром. Но Александра не хотела втягивать его в это. Она осознавала, что мужчина, которого она спасла, еще может умереть, она брала за это ответственность на себя, однако не готова была швырнуть такую же ответственность на голову брату. В такие моменты своя нора спасала.

В первые месяцы после возвращения в Россию она жила в квартире Яна. Это казалось им обоим само собой разуме-

ющимся, близнец обиделся бы, если бы она решила иначе. После четырнадцати лет разлуки им нужно было оставаться рядом, так что Александра не задумывалась о переезде. Но появилась удачная возможность остаться рядом, не мешая друг другу.

Пожилая соседка Яна по этажу собралась продавать квартиру. Благополучно дожив на родине до восьмидесяти лет, она решила, что пора добавить в свое окружение побольше солнца, и вознамерилась переехать к дочке в Италию. Не факт, что дочка в Италии отнеслась к этому с равным энтузиазмом, но чувствовалось, что старушка сумеет настоять на своем.

Надумав продать квартиру, она в первую очередь пошла к близнецам – знала ведь, кто рядом живет. Она справедливо предположила, что их такое предложение может заинтересовать. Ей хотелось покончить с торгами как можно скорее, не нарвавшись при этом на черных риелторов, которых она боялась до дрожи. В итоге Александра стала обладательницей роскошной трехкомнатной квартиры с набором мебели по цене, которая старушке казалась космической, а Александре – смешной.

Правда, доставшиеся ей бонусом интерьеры были актуальны разве что в восьмидесятых, если не раньше. Ремонта здесь не было давно, зато царил порядок, даривший квартире атмосферу музея. Александра признавала, что это нужно менять, и у нее даже были деньги на ремонт – но не было

времени и настроения. Поэтому они с Гайей уже пару недель обитали в гнездовище интеллигентной пожилой дамы.

Вот туда она теперь и привела незнакомца, надеясь, что соседи не видели на лестнице эту странную процессию: она, тянущая на себе полуживого мужика, а следом – бодрый и любопытный Гайя. Решат, небось, что это у Яна теперь проблемы с алкоголем... Хотя не плевать ли, что они там решат?

Она оставила мужчину в коридоре и велела все тем же приказным тоном:

– Раздевайся. Полностью.

После несколько садистской очистительной процедуры он чувствовал себя лучше, но был еще далек от самостоятельного мышления. Он только и мог, что выполнять приказы. Александра постелила ему на диване в зале, а когда вернулась, он уже стоял в прихожей рядом с небрежно брошенной мокрой одеждой. Только теперь, при ярком свете лампы, у Александры появилась возможность разглядеть несостоявшегося самоубийцу.

– И вот это все ты намеревался превратить в фарш на асфальте? – возмутилась она. – Немыслимое транжирство!

Мужчина был моложе, чем она предполагала – даже в нынешнем потрепанном состоянии он выглядел не старше сорока. Обманчивое ощущение лишних лет создавала ранняя седина, но не белые кудри а-ля Санта Клаус в супермаркете, а темная седина – соль с перцем. Лицо молодое, не классически красивое, но приятно запоминающееся – с широ-

кими скулами, высоким лбом, четкой линией подбородка и правильной формы губами, на счастье не слишком полными, но и не слишком тонкими. Глазам достался благородный цвет морской волны, который сейчас старательно портило безучастно пьяное выражение. На лице трехдневная щетина, которая ему не идет, похоже, в иное время он привык чисто бриться.

С лица взгляд скользнул на тело, оценивая его не только эстетически, но и профессионально – привычка полицейской. Фигура хорошая: высокий рост, широкие плечи, узкие бедра, длинные ноги. Спасибо генетике, плюс в детстве определенно был ухожен и не голодал, обеспеченная семья. А вот развитие мышц – это уже указание на образ жизни, который он выбрал в зрелости. Мышцы рук и плечевого пояса развиты, мышцы ног – тоже. Скорее всего, часто катается на велосипеде, играет в теннис, плавает... Возможно, все сразу. Развлечения богатого мальчика, сколько бы лет ему ни было. Мышцы живота, хоть и плоского, мягкие, без пресловутых шести кубиков. Значит, в тренажерный зал он не ходит и спортивным питанием себя не нагружает – иначе пресса в стиле мужских глянцевого журналов не добиться. Скорее, ведет здоровый образ жизни, чем стремится сделать себя показательно красивым, да и вообще, не перенапрягается.

Еще одной примечательной чертой были его руки. Сейчас он их, конечно, изодрал о крышу и обморозил, завтра ему не позавидуешь... Хотя завтра, если доживет, ему бу-

дет так хреново, что отдельные виды боли перестанут восприниматься на общем фоне. Но Александра пока думала о том, что обычно руки он бережет, кожа там нетипично гладкая для мужчины, был профессиональный маникюр, однако после сегодняшних скитаний, конечно, ничего не осталось. Значит, работает руками – и хочет, чтобы руки были чуткими.

Она отвела его в ванную, заставила постоять под горячим душем, продолжая осматривать. Шрамов и татуировок нет, было бы сложно его опознать, если бы он... Но какой смысл рассуждать о том, что не случилось?

Горячая вода окончательно его разморила, и он уснул, едва добравшись до дивана. Александра же в постель не спешила, она вернулась в коридор, к вещам, небрежно сброшенным мужчиной.

Там она обнаружила то, что после осмотра самого незнакомца и ожидала увидеть. Одежда была дорогой и качественной, грязной только из-за походов по заброшенному дому, до этого – чистой и опрятной. Часы швейцарские. Ботинки из натуральной кожи, поэтому на них уже плотоядно косится Гайя.

– Не смей, – велела Александра. – Он – наш гость, и ему нужно будет в чем-то отсюда свалить, потому что оставлять его я не собираюсь, мне и тебя хватает!

Мобильного телефона у мужчины действительно не было, на крыше она ничего не упустила, документов тоже. Зато

кошелек оказался примечательным: платиновая банковская карта, но без имени, и около пятидесяти тысяч рублей наличными. Как он, будучи бухим в ноль, не лишился этой суммы в клубе – непонятно. А в том, что он был в клубе, Александра не сомневалась, сами себе люди такие коктейли не смешивают. Особенно если хотят не посмаковать, а ужраться в хлам, так, чтобы решиться на самоубийство.

Больше всего она опасалась найти среди его вещей наркотики. Вот тогда Александра, при всем сочувствии незнакомцу, должна была бы обратиться в полицию. Но наркотиков не было, что бы он ни принял, это тоже досталось ему в клубе.

Она бросила его вещи в сушку, порадовавшись, что успела ее купить: в Австралии она привыкла к такой машинке, а вот у предыдущей владелицы квартиры не было даже представления о том, что это такое. Вещи полегче она развешала в ванной – само должно высохнуть, сушке же предстояло побороться с мокрым насквозь шерстяным пальто.

Лишь после этого Александра решила прилечь. Ей казалось, что бессонница еще не отпустила, что даже безумных событий этой ночи будет недостаточно, чтобы сморить ее. Она собиралась просто полежать с закрытыми глазами – и сама не заметила, как уснула. Видимо, такая награда ей полагалась от мироздания за спасенную жизнь – и сохраненные нервы тех, кто жил по соседству с заброшенным домом.

Организм требовал отоспаться до полудня, но не срослось – в семь утра, когда за окном еще было темно, ее разбудил

звонок мобильного. Многим она в такое время склонна была бы отказать в беседе, но номер брата на экране все менял.

Ян тоже не должен был звонить так рано. Предполагалось, что сегодня у них обоих выходной. Он потому и отправился к Алисе! Значит, что-то случилось.

– Слушаю, – отозвалась Александра.

– Сразу извиняюсь, что разбудил, но инициатива не моя, – сообщил Ян. Голос звучал спокойно, а значит, неприятности были не лично у него, уже это радовало. – Прилетела работа.

– С фига ли? А как же вопли про выходной?

– О нашем выходном не оповестили убийцу.

– А нас в Москве трое – убийца и мы? Куда подевались другие следователи?

– Мирно спят, полагаю. Есть причина, по которой делом должны заняться конкретно мы, хотя я, каюсь, и сам пока не до конца разобрался, откуда ноги растут.

– Значит, разберемся вместе, – рассудила Александра. – Хотя ноги никогда не растут из привлекательного места. Куда ехать?

– Я тебе скину адрес.

– Окей, там и встретимся.

Строго говоря, ей вообще не обязательно было ехать. Это у Яна тут начальство, с которым он не может спорить. Александра по-прежнему работала на полицию Австралии, программа «обмена опытом» была инициирована по ее просьбе. Не было никаких должностных инструкций, обозначающих,

что она обязана делать, что – нет. Так ведь дело не в карьере! Ее главной целью было оставаться рядом с братом, она и так уже была на расстоянии слишком долго.

Поэтому Александра поспешно оделась, достала из сейфа оружие и только потом заглянула в гостиную. Незнакомец все еще был там – мирно спал и, к счастью, дышал достаточно заметно, чтобы не пришлось проверять пульс. Раз дотянул до утра, уже не помрет, одной проблемой меньше!

Хотя при пробуждении ему придется несладко, это как ни крути. Будить его сейчас – себе дороже, и Александра решила ограничиться запиской: «Сняла тебя вчера с крыши, ты был не в форме, молчал, как партизан, пришлось брать к себе. Телефон я не брала, с чем тебя нашла, то и отдаю. Одежда в ванной и в сушилке. Еда в холодильнике. Бери что хочешь, мне не жалко. Решешь свалить – просто хлопни дверью по сильнее, замок закроется сам. Больше не бухай».

Рядом с запиской она оставила на журнальном столике часы незнакомца, его кошелек, стакан воды и упаковку растворимых таблеток аспирина. Этого, по ее мнению, было вполне достаточно, чтобы уйти со спокойной совестью. Ее несколько не тревожило то, что у нее в квартире теперь незнакомец без присмотра, красть там все равно нечего. Да и не похож он на человека, который будет из чужой квартиры ложечки выносить...

Эта возня задержала ее, и к месту преступления она добралась позже, чем Ян. Хотя и не сильно – брат дожидался ее

на парковке. Он заметил приближение Александры издалека: сложно упустить из виду ярко-красный Джип Вранглер. Найти такую машину оказалось непросто, но Александре хотелось – точно такой же автомобиль был у нее в Австралии.

Ян выглядел бодрым и выспавшимся, встречи с Алисой всегда шли ему на пользу, хотя он упрямо отказывался это признавать. Александра на эту тему не давила, она прекрасно видела, что Алиса – девочка умная, она приручит ее брата сама, постепенно, если задастся такой целью.

– Долго вы, – оценил Ян, когда она выбралась из машины. – Хотя вы были ближе!

– Гайе приперло погулять, пришлось задержаться!

Гайя бросил на нее укоризненный взгляд, словно распознав ложь. Александра этот взгляд выдержала: если отбросить все подробности, именно пес виноват, что у нее на диване самоубийца теперь валяется!

– Ты хоть воспользовался этой форой, чтобы выяснить, как мы оказались втянуты в расследование, которое полагалось вести кому-то другому? – поинтересовалась Александра, стараясь побыстрее увести разговор от своего опоздания.

– Кое-что я знал изначально. Пашка позвонил.

– Пашка? Он здесь при чем?

– Он попросил меня лично заняться этим делом.

Это и правда было неожиданно. Во-первых, их старший брат работал адвокатом, он не обязан был следить за всеми

убийствами Москвы. Судя по всему, преступление произошло этой ночью, тут полиция только-только к работе приступила! Во-вторых, с тех пор, как вернулась Александра, братья были на ножах как раз из-за нее. Они общались очень мало, и каждый считал другого законченным придурком. Чтобы Пашка переступил через свое неоправданно раздутое эго и попросил о помощи, должно было случиться нечто особенное!

– Но это все, что я знаю, – добавил Ян. – Павел Великий отказался давать объяснения, сославшись на то, что нам нужно спешить. Я думал, что, когда я приеду, станет очевидно, при чем тут кровь от крови нашей.

– Но не стало?

– Вообще не стало. Я понятия не имею, что это за дом. Пашка на другом конце города живет! Дом, на самом-то деле, был хороший. Не элитный и не очень новый – но уже из построенных в двадцать первом веке. Дом для верхушки среднего класса, которая стремится жить в городе, но при этом в тишине и в окружении зелени. Не высотка по нынешним меркам, девять этажей, яркая штукатурка на стенах, просторные застекленные лоджии. Многие уже украшены к Новому году. Тот уютный мирок, про который, – и для которого, – снимают рождественские комедии. Теперь вот этим людям предстоит столкнуться с яркими пятнами полицейского ограждения, сплетнями об убийстве, плохо замытыми следами крови... Так себе подарок к празднику.

На месте преступления уже начали работу эксперты, у ограждения дежурили полицейские, потому что некоторые особо активные жители дома рвались посмотреть, что же произошло. До Александры даже донесся обрывок диалога на повышенных тонах:

– Я председатель товарищества собственников, я право имею!

– Да хоть Папа Римский, не положено!

– У меня должность!

– Придуманная должность!

Тут дежурный был прав: ни у кого из жильцов не было права совать свой нос в дела полиции.

Дом закрывался на массивную железную дверь с домофоном. Замок исправно работал, но это не такая уж надежная защита, Александра знала с десятков способов пробраться внутрь подъезда, не привлекая внимания. Убийца тоже знал.

В холле, просторном и чистом, консьержа не было, и вот это уже куда важнее. Консьерж – он свидетель понадежней, чем домофон. Пока это все, что Александра успела выяснить после беглого осмотра, дальше нужно было обращаться к брату:

– Что уже известно? Я ж не думаю, что ты снежинки языком ловил, дожидаясь меня!

– Какое там? Снега уже две недели не было, пришлось заниматься делом! – усмехнулся Ян. Никакие записи он не вел,

как и Александра, он прекрасно запоминал детали преступления, над которым работал. – Убита была местная жительница, ее опознали сразу. Алена Чубарова, двадцать лет. Жила в квартире на восьмом этаже.

– Откуда в двадцать лет квартира в таком доме? – удивилась Александра. – Мама-папа постарались?

– То есть, вариант с честно заработанным жильем ты не рассматриваешь?

– Не слишком пристально.

– И не зря. Квартира принадлежала не ей, она соседям называлась квартиранткой. Как платила за жилье – выясним. Владельцем квартиры значится некий Валентин Бочков, с ним позже познакомимся.

– Так где ее убили? В квартире?

– Если бы в квартире, так быстро бы не нашли, – указал Ян. – Ее убили на лестнице. Вообще, тут отличный лифт, которым и пользуется большинство жителей. Но нашелся один ЗОЖник, который лифт не признает как явление. Он спускался по лестнице около шести утра, направлялся на работу. Он и обнаружил тело Алены.

– Ты это тело видел?

– Нет еще, тебя ждал. Но видел тех, кто видел тело. Смущены и зелены. Говорят о маньяке, так что... Уже можно догадаться, почему вызвали именно нас.

Вызвали, на самом-то деле, не близнецов, а только Яна, но причину действительно легко угадать. Он уже успел зарабо-

тать репутацию одного из самых талантливых следователей по особо сложным делам. Что, впрочем, не объясняло не в меру активное участие Пашки.

По лестнице сразу можно было догадаться, что пользовались ею не так уж часто. Дом наверняка был сдан не меньше десяти лет назад, но камень ступенек толком не сгладился, не отполировался, как это бывает в домах без лифта. Освещение на лестнице было не лучшее, однако работало оно исправно, за счет этого и светлых тонов оформления удавалось избегать того гнетущего впечатления, которое производят некоторые лестницы старых домов, засиженные бомжами и наркоманами. Нет, в этом доме было чисто, за порядком следили... Но двадцатилетнюю девушку это не уберегло.

Они нашли ее тело на лестничной площадке пятого этажа. Александре хватило одного взгляда, чтобы понять, почему патрульные начали шептаться о маньяке. Тема-то популярная! О маньяках снимают фильмы и сериалы, пишут книги, из-за этого кажется, что сумасшедших убийц развелось, как тараканов. По одному на десять потенциальных жертв. Однако Александра знала, что правда не столь печальна, настоящих серийных убийц не очень много. Поэтому она пока вообще избегала любых выводов, она просто осматривала место преступления.

Она знала, что сейчас ничего не разгадает и не объяснит. Она и цели такой перед собой не ставила! Подумать о преступлении можно будет позже, сейчас от нее требовалось

осмотреть место, где произошла трагедия, и запомнить все, что получится. Потому что очень скоро это место исчезнет, будет очищено и продезинфицировано, а фотографии и видео – это не то же самое, это просто подсказка.

Алена Чубарова была очевидно молодой, она выглядела даже младше своих двадцати лет, а еще – очень красивой даже в смерти. Рост пока оценить сложно, но, похоже, средний, фигура стройная, не худая, а аппетитная, такая многим мужчинам нравится – с плавной линией бедер, узкой талией и большой грудью. Кожа и вовсе – загляденье: без единого красного пятнышка, благородного фарфорового оттенка... на который смерть уже бросила серую тень от потери крови.

Лицо красиво кукольное – именно такие лица мастера стараются сохранить в своих творениях. Большие глаза, аккуратный носик, пухлые, почти по-детски, щечки, сочные губы... Были. Теперь уже обо всем, что связано с Аленой, нужно думать через слово «было».

– Обрати внимание на одежду, – задумчиво произнес Ян. – Она не из дома бежала...

– Бежала-то она из дома, судя по всему, а вот вечер провела не там!

Алена была одета для вечеринки: кожаная мини-юбка, плотные матовые колготки, нарочито массивные ботинки на плоской подошве, топ с пайетками и косуха. Сексуально, но не слишком. Стоило ей, скажем, предпочесть вместо ботинок туфли на шпильке – и сходство со жрицей любви стало

бы таким очевидным, что в приличный клуб ее попросту не пустили бы. А она там побывала: наклонившись к ее волосам, Александра почувствовала запах духов и дыма – сигаретного и кальянного.

– А нельзя ее позже понюхать? – возмутился один из экспертов. – Тут, вообще-то, люди работают!

Александра не видела смысла спорить, она и так собиралась отойти, потому что лишь издалека можно было оценить замысловатость метода убийства.

Алену пробили насквозь куском арматуры. Она, еще недавно такая красивая и живая, теперь напоминала бабочку, насаженную на иглу коллекционером. Словно желая поиздеваться над ней, неизвестный палач использовал еще несколько стальных прутьев, чтобы создать под телом нечто вроде треноги, удерживавшей тело Алены на коленях. Александра отметила, что были и другие раны – кровь была на голове и на руке. Но оценить их пока не получалось, на теле осел толстый слой белой строительной пыли.

Пыль оказалась здесь так же, как прутья арматуры: кто-то превратил лестничную площадку в импровизированный склад строительных материалов. Александра догадывалась, что произошло. Кто-то из жильцов затеял ремонт и, решив пожалеть свою квартирку, воспользовался лестницей. Пройти здесь все еще было можно, но – с трудом, не вывозившись в строительной пыли – почти нереально. Однако лестницей пользовались достаточно редко, и к скандалу это пока

не приводило.

Теперь-то скандал будет... Хотя для следствия важны не мелкие административные нарушения, а связь с убийством – которая была неоднозначной.

Ян думал о том же, но это не удивило Александру – в этом близнецы почти всегда совпадали.

– Как думаешь, подходит такое орудие для предполагаемого маньяка?

– Давай пока не будем даже допускать, что это маньяк, – поморщилась Александра.

– Но ведь здесь вариант, при котором подходит!

– Да. Но мне все равно кажется, что заикливаться на маньяке – опасно, света белого не увидим.

Убийство казалось церемониальным – или его таким выставили. А разница огромна! В первом случае жертва была для убийцы не человеком, а объектом. Во втором случае убили именно Алену Чубарову, а потом уже попытались выставить ее смерть как охоту маньяка.

Людей испортил телевизор, однозначно. Все мнят себя криминальными гениями.

– Я, скорее, склоняюсь к выводу, что тут все произошло спонтанно, а арматуру уже использовали как подручное средство, – заметила Александра. – Маньяк все-таки действует более продуманно.

– Да, но он мог следить за ней и знать, что здесь хранится эта арматура. Тогда это уже подготовленное орудие убий-

ства.

Вот и еще одно доказательство того, что они мыслят одинаково...

– Но это слишком непредсказуемое орудие убийства, – возразила ему Александра, как только что возражала самой себе. – Неизвестно, когда арматура понадобилась бы строителям, когда они решили бы ее забрать.

– Считаешь, что он не мог следить?

– Мог, но это менее вероятно. Если следил, должен был кому-то примелькаться, и мы его найдем.

На действия маньяка указывала не только поза погибшей. Сначала Александре показалось, что рот Алены наполнен кровью. Но, присмотревшись внимательней, она с изумлением обнаружила, что это крупные цветочные лепестки. Ими, темно-бордовыми, почти черными, были забиты рот покойницы и рана вокруг арматуры.

Розы – это поинтересней для следствия. Почему у него с собой были розы? Если бы он погнался за Аленой спонтанно, то уж никак не с букетом!

Александра хотела обсудить это с братом, но их отвлекли – со стороны шестого этажа появился мужчина, определенно не относящийся к полицейским.

На вид ему было лет пятьдесят, худой, ухоженный, хотя все равно некрасивый. Тот случай, когда деньги приводят лишь к результату «ну, могло быть и хуже». Одет в дорогой костюм, поверх которого наброшено пепельное пальто.

Шарф скрывает дряблую шею, это, да еще прическа, указывало, что мужчина старательно молодится, но оттого проигрывает возрасту еще позорнее. Впрочем, сейчас он вряд ли думал о том, как выглядит. Мужчина был болезненно бледен, глаза покраснели – он плакал, хотя теперь изо всех сил старается это скрыть. Взгляд немного шальной, но осмысленный. Такой взгляд обычно бывает у человека, который пережил большое горе, однако достаточно умен, чтобы не поддаваться истерике и мыслить здраво.

– Ян Эйлер, я так полагаю? – спросил он, протягивая следователю руку.

Ян руку пожимать не стал, но кивнул. От него не укрылось то, как мужчина показательно проигнорировал Александру; такого ее близнец не любил.

– Он самый. А вы кто?

– Валентин Бочков, – представился мужчина.

– Владелец квартиры, в которой жила погибшая? – мгновенно сообразил Ян.

– Да, но не только. Я – причина, по которой вы здесь. И я... Не вижу смысла юлить, скажу, как есть. Я – ваш главный подозреваемый.

Глава 2

Ян взялся бы за это дело безо всяких просьб. Он понимал, что это не слишком профессионально, но он чувствовал симпатию к погибшей девушке. Молодая, красивая, очевидно безобидная – и убитая так жестоко. Помочь ей было уже нельзя, но можно было наказать того, кто это сделал. Будет непросто, факт, потому что тут и на первый взгляд какая-то чертовщина прослеживается. Поэтому другие следователи могут запутаться, пойти по простейшему пути и повсюду орать про маньяка. Ян не собирался этого допускать, он уже чувствовал нечто подозрительно похожее на охотничий азарт, подстегиваемый гневом. Он должен был добратсья до преступника!

Возможно, объяснить столь нетипичную для него эмоциональность можно было контрастом, который он почувствовал этим утром – контрастом между счастьем и несчастьем. Он ведь был счастлив с Алисой! Пусть мимолетно, пусть на эту ночь, но все же... Раньше с ним такого не случалось, хотя Алису он знал уже давно. Дело как раз было не в ней, как бы парадоксально это ни звучало.

Дело было в возвращении Александры. Ян четырнадцать лет не позволял себе жить по-настоящему, даже если сам не осознавал этого. Минуты хорошего настроения были недолгими, и когда он чувствовал нечто похожее на счастье, он

сам себя останавливал. Какое право он на это имеет, если не смог уберечь самого дорогого человека? Глупая позиция, разрушительная, однако прочно закрепившаяся в его жизни.

А потом Александра вернулась. Нельзя сказать, что он уже полностью принял это и перестроился. Но Ян чувствовал: многие ограничения, которые он сам для себя установил, потеряли смысл. Он и к Алисе шел с другим настроением, и ее любовь принимал с большим удовольствием, и сам, кажется, чувствовал то, чему пока не решался подобрать название. Так что да, утро в какой-то момент было прекрасным – а потом его втянули вот в это.

И он увидел оборванную жизнь, сломанную, лишенную всего того, что радовало его этим утром. Алена Чубарова была не слишком похожа на Алису – и все же какое-то сходство между ними прослеживалось. Как бы Ян ни запрещал себе думать об этом, он уже заметил все, что нужно. Дальше мысли полетели в неправильном направлении сами собой: что бы он чувствовал, если бы кто-то сделал такое с Алисой? Как бы он отреагировал?

Так что да, ему было более чем интересно это расследование. Однако то, что его попросил об услуге Павел, давало дополнительную тему для размышления.

– Мы можем поговорить где-нибудь, где сейчас поспокойней? – поинтересовалась Александра.

Она, как и Ян, видела, что Валентину Бочкову тяжело находиться рядом с трупом Алены. Он был опасно бледен, дро-

жал, его шатало. В таком состоянии в обморок грохнуться – вопрос пары секунд, да и разговор толковым не будет. Никто так не реагирует на смерть простой квартирантки, поэтому нынешнее состояние Бочкова можно было считать началом его признания.

– Я не знаю, – растерялся Валентин. – Уходить мне нельзя, мне сказали...

– А никто и не просит вас уходить. Более того, никто не разрешит вам уйти. Просто я полагаю, что этот дом вы знаете лучше, чем мы. Где здесь можно поговорить?

– Ну... В моей квартире...

– Нет, – покачал головой Ян. – В квартиру лишний раз лучше не соваться.

– Давайте просто поднимемся повыше, – предложила Александра. – Наши всю лестницу перекрыли, никто не помешает.

– Ладно, как вариант.

Тело Алены оставалось на пятом этаже, и пока никто не собирался забирать его оттуда. Место преступления было слишком необычным, с ним предстояло повозиться. На шестом и седьмом этажах тоже хватало экспертов, они изучали возможный маршрут погибшей. Этот участок близнецам и Бочкову пришлось миновать быстро, на лестнице и так стало слишком тесно.

А вот на девятом этаже было относительно спокойно. Двери, ведущие на лестницу, заперли, чтобы сюда не совались

не в меру любопытные жители дома с вездесущими мобильными камерами. Наверх доносились отзвуки голосов, однако это было несравнимо с тем шумом, который творился внизу.

– Рассказывайте, – велел Ян.

– Я попросил вашего брата посодействовать... Он адвокат, я был уверен, что ему знакомы хорошие следователи, которые не будут рубить с плеча и разберутся во всем...

– Мимо, – констатировала Александра. – Простите?..

– Не та тема. Мы и сами знаем, что вас связывает с Павлом. Нам куда интереснее, что вас связывает с этим делом.

– Я – хозяин квартиры, в которой жила Алена, – напомнил Валентин, нервно промокая лоб платком. – Как только ее... опознали... мне сразу позвонили и сказали, что нужно приехать...

– Снова мимо.

– Теперь-то что не так?!

Это был ловкий ход со стороны Александры. Пока Бочков дрожал тут, изображая новорожденного мышонка, говорить с ним было бессмысленно. Однако теперь он почувствовал раздражение, вырвавшее его из кокона шока. Значит, говорить он сможет больше и лучше.

Ян уже не первый раз отмечал, что работать с сестрой ему гораздо приятнее, чем одному. И если не думать о том, что все могло пойти именно так четырнадцать лет назад, будет вообще прекрасно.

– Вы связались с Павлом, потому что хотите справедли-

вости, – указал Ян. – Но о какой справедливости может идти речь, если вы даже перед следователями, которых прислал он, юлить пытаетесь?

– Он сказал, что будет один следователь, – буркнул Валентин. – А вас двое!

– Считайте, что один, – усмехнулась Александра.

– Как я должен доверять двоим сразу?

– Никак, если хотите действительно стать главным подозреваемым, – указал Ян. – Возможно, единственным. Вы ведь уже примерили на себя эту роль – значит, есть веские основания. Есть то, на что следствие все равно выйдет, и ваша попытка это скрыть будет расценена как доказательство вины. Так не проще ли все сообщить нам здесь и сейчас, чтобы мы сосредоточились на поиске настоящего преступника?

Судя по угрюмому взгляду, Валентин, несмотря на свой почтенный возраст, надеялся, что Павел Эйлер сотворит чудо. Не просто придет к нему умного следователя, а позволит сразу забыть эту историю, как страшный сон, отправиться домой – к теплому пледу, чаю или виски.

Но чудес не бывает, расследование особо жестокого убийства только началось, и играть в молчанку ему бы никто не позволил.

– Скажите, детектив, вам знакомо чувство разгорающейся любви? – поинтересовался Валентин.

Александра тихо фыркнула, но заметил это только Ян.

– Во-первых, я не детектив, поскольку мы, если еще не

очевидно, не в американском сериале, а в московском доме. Во-вторых, можно без лирики?

– Простите, но иначе не получится. Аленка действительно была для меня не просто квартиранткой... Да она вообще квартиранткой не была, это версия для соседей! Мои чувства к ней – это основа связи, которая установилась между нами за эти прекрасные, прекрасные месяцы...

Кризис среднего возраста каждый переживает по-своему. Кто-то бросается во все тяжкие, кто-то рушит семью, существовавшую много лет, кто-то увлекается экстримом, путешествует по Гималаям, ищет смысл жизни. Но Валентин Бочков оказался из той категории седеющих мальчиков, которые пытаются через излишнюю романтику доказать себе, что они еще молоды хотя бы душой, да и тело не так уж плохо. Так что незадолго до полувекового юбилея он снова начал писать те отвратительные стихи, через которые все остальные проходят лет в шестнадцать, а потом вспоминают только со стыдом.

Для Яна это теперь обернулось чрезмерно витиеватыми и цветастыми свидетельскими показаниями. Себя Бочков выставял возвышенной душой, покойную Алену Чубарову представлял своей музой, тихим ангелом, последней радостью его угасающего лета. Дело тут было не в его романтичности... по крайней мере, не только в ней. Бочков искренне полагал, что если он убедит следователей в своей Большой Любви к погибшей, это станет для него лучшим алиби.

Но в случае с близнецами он просчитался.

Александра слушала его с каменным лицом, и Бочков вполне мог принять это за сочувствие и симпатию к нему, потому что – ну какая женщина не покорится Любви? А вот Ян слишком хорошо знал свою сестру и без труда читал в ее серебристых глазах всего два слова: «старый мудака». Сам же Ян тоже не находил в этом словоблудии поводов пожалеть Бочкова. Он отметал все сравнения и сторонние рассуждения о душе, для будущего расследования ему нужны были только факты.

А на языке фактов эта история звучала куда проще.

Жил-был богатый и влиятельный бизнесмен Валентин Бочков. Собственно, такая характеристика подходила почти всем друзьям Павла Эйлера, потому что Пашка, в силу природного ума, с нищетоходами не дружит. Карьеру Бочков начал строить еще в девятностие и с тех пор продвигался только вверх. Своей личной жизнью он тоже был доволен: в отличие от многих завидных женихов, ему удалось избежать официального брака. Как по минному полю прошел!

При этом женщин он любил, но еще больше любил разнообразие. Редко какой любовнице удавалось протянуть рядом с ним больше года. Бочков гордо заявлял, что ищет Ту Самую, а все остальные для него – просто неудачные попытки. Некоторые неудачные попытки отказывались признавать себя таковыми и беременели от Бочкова вопреки его желанию. Им казалось: стоит только родить ребенка, и отношение биз-

несмена мигом изменится, он осознает всю прелесть семейных ценностей и бодрым оленем поскачет в ЗАГС.

Однако Бочков обычно скакал не в ЗАГС, а в суд. Он всеми правдами и неправдами добивался того, чтобы его отцовство было оспорено. Если же этот номер не прокатывал, его адвокаты обеспечивали минимальные алименты, на которые едва ли можно было прожить. Бочков считал это достойным уроком для «золотоискательниц». Собственные дети не интересовали его никогда.

Вот в таком веселом ритме он и дожил до сорока шести лет. Тогда его нашла Алена Чубарова. Ян сильно сомневался, что она и правда была стеснительной вчерашней школьницей, сотканной из доброты и лучей света. Он подцепил Бочкова в элитном ночном клубе, в таких местах ангелы не водятся. Девочка была достаточно умной, чтобы мигом распознать потенциал стареющего ловеласа. Она затащила его в постель, где он и провел с ней следующие три дня, не покидая отельный номер.

Бочков решил, что Алена и есть Та Самая. Вряд ли она так уж отличалась от его предыдущих любовниц – но он сам отличался от себя прошлого. Он начал стареть, он проходил через кризис, ему хотелось найти музу, и Алена подходила по всем параметрам. Она получила то, чего хотела: он начал опекать ее.

Условия их негласного договора были весьма просты. Бочков обеспечил ее жильем – хотя двухкомнатную кварти-

ру он предусмотрительно оформил на себя. От него же Алена получила безлимитную банковскую карту. В обмен на это нежной музе полагалось впускать в свою спальню романтического покровителя, когда ему заблагорассудится, и не докучать ему в остальное время.

Сейчас Бочков был уверен в том, что знал об Алене все – он был чуть ли не ее хозяином. Конечно, он не говорил об этом открыто, но именно такая самоуверенность сквозила между строк. Ян же видел, что романтик этот знал раздражающе мало. Так, он понятия не имел, чем Алена занималась раньше, какое у нее образование, из какой она семьи, из какого вообще города, как попала в Москву. Он даже смутно представлял, чем она занималась в то время, когда не нужно было убажывать его в постели. Как и большинство «папиков», он знал только ту сторону жизни любовницы, которая хоть как-то его касалась. Разница была лишь в том, что обычно «папики» относятся к этому приземленно, а Бочков возмнил о себе неизвестно что.

Несколько месяцев все шло хорошо – а точнее, все устраивало Бочкова. Алена была такой же милой в общении и страстной в постели, как при знакомстве. А потом в «идеальных отношениях» образовалась трещинка, мгновенно обернувшаяся расколом: у Алены появился другой.

Это был не очередной покровитель, и уходить от Бочкова Алена не собиралась. Ей казалось, что этого аргумента будет достаточно, и она не особо скрывала от своего дряблого

Ромео, что у нее есть второй любовник. Бочков решил: она охладела к нему! Ян же подозревал, что девятнадцатилетняя на тот момент Алена просто устала от мужчины, который и в лучшем освещении похож на индюшачью шею, она завела себе молодого любовника исключительно для полноценного секса.

Но если Алене такое существование казалось вполне гармоничным, то Бочков страдал, терзался и устраивал скандалы. Будь он сам чуть помоложе, он бы давно уже ее бросил. Но годы взяли свое, он слишком углубился в им же придуманную романтику, он никак не мог поверить, что Та Самая может его не любить. Он пытался образумить Алену, запрещал ей приводить своего молодого любовника в квартиру, принадлежащую ему, он изнывал от ревности. Алена только смеялась: она уже почувствовала слабинку, знала, что он от нее зависит, и не воспринимала его угрозы всерьез.

А угрозы были – и это важно! Во время скандалов Бочков не раз вопил о том, что убьет ее, достаточно громко, чтобы слышали соседи. Да и в клубах, где эти двое появлялись вместе, наверняка нашлись бы свидетели их бурных ссор.

Бочков обещал убить неверную – и вот теперь она не просто убита, она напоминает жертву на алтаре, в ее ранах – лепестки роз... Это очень похоже на убийство из ревности. Вдобавок ко всему, на ночь убийства у Бочкова не было достойного алиби, он находился один в своей квартире. Они с Аленой еще и в очередной раз поссорились накануне ее

смерти – полный набор, мечта следователя!

Валентин был потрясен смертью любовницы, однако он был достаточно умен, чтобы понять: надо действовать, быстро. Если он ничего не изменит, скоро окажется за решеткой! Вот тогда он и позвонил Павлу Эйлеру.

В принципе, это был умный ход. Ян понимал, что даже если версия с убийством из ревности кажется самой лакомой, чуть развей ее – и дело закрыто, нельзя заикливать-ся. Он ведь действительно хотел справедливости для Алены. То, что он узнал о ней сейчас, не слишком повлияло на его мнение. Что бы ни сделала в своей жизни эта девчонка, оно никак не должно караться такой жуткой смертью!

– Вы мне поможете? – спросил Бочков, закончив рассказ. Со всеми рассуждениями о любви и дифирамбами погибшей повествование отняло больше времени, чем требовалось. Ян слышал, что внизу эксперты уже увозят тело на вскрытие.

– Мы расследуем преступление. Для этого мы здесь.

– Но я ведь уже не подозреваемый?

– Подозреваемый, вообще-то, – указала Александра. – И по-прежнему главный.

– Так нечестно!

– Охренеть логика.

Тут Ян был согласен с сестрой. Бочкову почему-то казалось, что если именно он пригласил следователей и рассказал им о своих любовных терзаниях, они сразу же поверят, что он *хороший*. Такое мышление обычно появляется или в

семилетнем возрасте, или при очень больших деньгах.

– У нас пока даже нет других имен, – заметил Ян. – Вы не сказали, как зовут любовника Алены.

– А мне откуда знать?

– Она встречалась с ним несколько месяцев – но вы не поинтересовались, кто это?

– Да если бы я узнал, ему не жить! – гордо заявил Бочков.

– Вы сейчас серьезно? – удивленно подняла брови Александра. – Напоминаю: мы стоим на месте преступления. Каждый раз, когда вам захочется заявить о желании убивать, кушайте, пожалуйста, свой язык.

Бочков бросил на нее гневный взгляд, однако огрызаться не стал. Дураком он все-таки не был и понимал, насколько шаткое у него положение. В наручники не заковали – и на том спасибо!

– Итак, в нашем списке пока полтора подозреваемых, – подытожил Ян. – Вы и неведомый любовник.

– Почему это полтора? Два! – возмутился Бочков.

– Потому что он на полноценного подозреваемого не тянет. Судя по вашему рассказу, его все устраивало. Зачем ему убивать Алену?

Молодой любовник получал красавицу в постели и уютную квартиру в центре города. Возможно, еще и деньги Бочкова, на которые жила Алена. Как ни крути, у него не было смысла пилить ветку, на которой он сидит.

Однако у Бочкова на сей счет имелось другое мнение:

– Он ревновал ее ко мне! А когда она выбрала меня, он ее убил! Вы видели, что он сделал с ней?!

– Маловероятно, – отрезала Александра.

– Что значит – маловероятно?! Аленушка меня любила!

– А вот это недоказуемо. Но мы рассмотрим все варианты.

Пока же постарайтесь припомнить: были у нее еще враги? В ваших же интересах, чтобы список подозреваемых пополнился.

Бочков замаялся, пытаясь вспомнить что-то, потом нахмурился. Становилось все любопытней.

– Нет, врагов у нее не было, Аленушку все любили... Но были некоторые обстоятельства ее жизни, которые не всем нравились... Так не убивать же ее за такое, она несла людям свет, ей за это многое можно было простить!

– А поконкретней нельзя? – поторопила его Александра. – Потому что, если Алена не была светлячком, свет – это снова метафора, а вас просили давать фактическую информацию.

– Слушайте, я не знаю, как это объяснить! У Аленушки просто была... особенность. Господи, да посмотрите вы на ее квартиру и сами все поймете!

О квартире они и так не забывали, просто Ян хотел сначала разобраться, что представляет собой Валентин Бочков. Мнение получилось невысокое, и все же... не тянул этот человек на жестокого убийцу. На неудачника при деньгах – да, есть такая категория, но на садиста – все-таки нет. Судя по тому, что Александра тоже потеряла интерес к Бочкову,

она разделяла мнение брата.

Они направились к квартире на седьмом этаже – той самой, которую «заработала» Алена Чубарова. Бочков, хоть и оформил жилье на себя, позволил любовнице все выбрать самостоятельно – от обоев до мебели, так что можно было считать, что это ее территория. Ян по опыту знал, как много может рассказать квартира о своем владельце. Однако в случае Алены рассказ получился весьма неожиданным.

В этом доме были высокие потолки и просторные комнаты – Ян прекрасно знал жилые комплексы такого типа. Но в квартире Алены на гостей сразу же накатывало ощущение тесноты, граничащее с клаустрофобией. Бардака здесь не было, напротив, хозяйка поддерживала идеальный порядок, однако порядок этот был очень специфическим. Основным видом мебели в квартире стали одинаковые металлические полки – открытого типа, такие обычно предпочитают в магазинах или на складах. Они стояли повсюду: в комнатах, в коридоре, даже на кухне и в ванной. Относительно свободно было только рядом с огромной круглой кроватью, да и то потому что Алена понимала: жилплощадь нужно отработывать.

На полках почти не осталось свободного места, вот только Ян никак не мог понять, что за ерунда на них собрана. Здесь было все сразу – и ничего толкового. Глиняные фигурки, книги всех жанров и канцелярские наборы. Картины и мешочки с сушеной лавандой. Дрели, наборы для детско-

го творчества и цветочные горшки. Никакой общей темы не было, гармонии – тоже. Человеку непосвященному коллекция на полках казалась дешевым хламом. Ян предположил бы, что покойница была хордером – одним из тех людей, которые тянут на свою территорию мусор и постепенно тонут в нем. Однако у хордеров в квартирах обычно не было такого порядка.

– Что это такое? – осведомился Ян, повернувшись к Бочкову.

– Хобби у нее такое было.

– Какое – такое?

– Собирать вещи, – буркнул он, прекрасно понимая, как нелепо это звучит.

– Вы себя вообще слышите? – поразилась Александра.

– Так она мне сказала!

– И вы этим объяснением были удовлетворены?

Ян мог бы сказать, чем на самом деле был удовлетворен Бочков, но решил не обострять. Вместо этого он спросил:

– Вас не беспокоила эта... коллекция?

– Сначала беспокоила. Понятно же, что это ненормально!

Но я смотрел на Аленушку, как она живет... У нее не было проблем. А если ее все устраивало, чего я суесться буду?

Уже было очевидно, что для экспертов квартира станет настоящим испытанием. Тут о быстрой работе и речи идти не может! Хорошо, если в день уложатся, да и то не факт.

Поэтому Ян был уверен, что сейчас им придется отсту-

пить, а вот Александра считала иначе. Она повела рукой в воздухе, и в квартиру тут же проскользнул Гайя. Даже теперь, неплохо изучив его, Ян восхищался способностью такого крупного животного двигаться абсолютно беззвучно.

Поэтому эксперты, работавшие в квартире, не сразу его заметили. Но упустить массивного дикого пса все же проблематично, и буря возмущений не заставила себя долго ждать.

– Вы там с ума сошли, что ли?!

– Служебную собаку никто не вызывал!

– Эйлер, уберите пса!

– Он не мой, – честно признал Ян.

– Тем более уберите!

– Потерпите, – заявила Александра.

Она прекрасно знала, что местные полицейские относятся к ней с определенным недоверием. Да и понятно, почему! Подозрительно уже то, что следовательница из Австралии вдруг начала работать здесь. А то, что она как две капли воды похожа на знакомого им следователя Яна Эйлера, вообще за гранью разумного. Они ждали хоть какого-то объяснения, но объясняться с ними никто не собирался. Теперь это привело к настороженному шепоту и подозрительным взглядам.

Обычно Александра их попросту игнорировала, ей так было удобней. Но сейчас вот решила показать, что при желании она может быть не менее убедительной, чем Ян.

Многие эксперты замолкли, однако кто-то продолжил

возмущаться:

– Это же собака на месте преступления!

– Он гипоаллергенный, – как ни в чем не бывало заявила Александра.

– У него шерсть!

– А еще – лапки. Слушайте, если шерсть помешает, возьмете у него образец, чтобы определить, где – его, где – не его. А пока не отвлекайте.

Гайю споры людей нисколько не волновали. Он неспешно проходил по квартире, принохиваясь к полкам, присматриваясь к ним, словно выискивая что-то. Что – Ян ума приложить не мог, ему казалось, что в этом случае от служебного пса не будет толку. Но он все равно не вмешивался, оставив это решение за Александрой.

И она неожиданно оказалась права. Возле полки в коридоре Гайя сел, поднял морду к потолку и завыл.

Звук был тот еще! Ни одна собака не может выть вот так – по-волчьи, протяжно, пробирая до костей. Тут уж заткнулись все эксперты, а Бочков и вовсе зачем-то выскочил из квартиры. Даже Ян, уже знавший, чего ожидать от Гайи, невольно поежился, отгоняя от себя несуществующий холод наполненного волками леса. И только Александра осталась невозмутима.

Она натянула одноразовые перчатки и подошла к полке, возле которой остановился Гайя. Здесьхлама было не меньше, чем по всей квартире, и от такого разнообразия пестрило

в глазах. Ян при всем желании не понял бы, на что смотреть.

А вот Александра догадалась. Она взяла изящную фарфоровую шкатулку, стоящую на одной из средних полок, и достала оттуда пластиковый пакетик. В пакетике просматривались среднего размера таблетки – без каких-либо опознавательных знаков. И то, что их обнаружил служебный пес, намекало, что это далеко не конфетки.

Александра продемонстрировала пакетик Бочкову.

– Как вы это объясните?

– А что это? – растерялся тот.

Ян, пристально наблюдавший за ним, был склонен верить, что это не наигранная растерянность, Бочков действительно не знает, на что смотрит. Да и Александра должна была заметить, но она решила еще немного надавить:

– Наркотики, очевидно. В вашей квартире.

– Вы с ума сошли?! – взвизгнул Бочков. – Откуда в моей квартире наркотики?!

– Из шкатулочки, – пояснила Александра, не моргнув и глазом.

– Это не мое!

– На суде доказывать будете, – вмешался Ян. – Но вполне логично предположить, что это принадлежало Алене. Почему вы не сказали нам об этом ее увлечении?

– Да я и сам не знал...

– Это добавляет проблем.

– Как будто их было мало!

– Вот что, арестовывать вас никто не будет, но я полагаюсь на ваше благоразумие, – заявил Ян. – Не покидайте город. Будьте всегда на связи, чтобы я мог вызвать вас на допрос. То, что вы считаетесь подозреваемым, – не такая уж большая проблема, на самом-то деле. Но в ваших интересах помочь следствию. Павел поручился за вас, поэтому я пока на вашей стороне.

– И не зря! – засуетился Бочков. – Я помогу! Вот вы увидите!

– Не сомневаюсь в этом.

Александра передала таблетки экспертам, и близнецы направились к выходу. Наблюдать за обыском квартиры Ян не видел смысла. Ничего очевидностораживающего здесь больше не было, а эксперты будут возиться еще долго.

Покинуть дом оказалось неожиданно приятно – несколько часов духоты и шума давали о себе знать. Хотя погода по-прежнему не радовала: остатки снега смыло ночным дождем, небо застелили серые тучи, превратившие день в одни сплошные сумерки. На этом фоне первые новогодние украшения, пестревшие в витринах, казались издевкой.

– Позавтракаем? – предложила Александра.

– Это уже больше похоже на обед... Но я тебя активно поддерживаю.

Ранний вызов стал неожиданностью для обоих близнецов. Алиса, узнав, что ему нужно уезжать, порывалась его покормить, однако Яну не хотелось ждать. Да и Александра опре-

деленно спешила – хотя все равно умудрилась опоздать. Не похоже на нее, ну да ладно, у всех бывают мелкие провалы.

Так что визит в кафе казался удачной идеей. Правда, первое попавшееся им не подходило – потому что Александра считала Гайю не питомцем, а членом семьи и отказывалась оставлять в машине, если не было острой необходимости. Но в Москве это, к счастью, было не обязательно: кафе, куда пускали собак, становилось все больше.

Так что их поиски стали недолгими, и вот они скрылись от промозгой зимы на уютных диванчиках. Гайя уже хрустел принесенным кормом, а близнецы дожидались своих заказов.

– Что думаешь? – поинтересовался Ян.

– Думаю, что нас ожидают мутные воды. Это не Бочков.

– Он все равно подозреваемый.

– О да, и ему самому я не скажу, что верю ему, – кивнула Александра. – Потому что он по сути своей – плесень, но плесень невиновная. Если бы он действительно хотел убить свою любовницу, он бы сделал это не так. Если бы он убил ее спонтанно, в приступе ревности, это тоже выглядело бы не так. Чтобы исключить его из числа подозреваемых официально, можно попробовать отследить его мобильный, проверить, откуда он звонил Пашке, где был на момент убийства. Но для этого нам нужно точное время смерти от экспертов.

– Сегодня будет. И вот тогда мы останемся вообще без подозреваемых.

– Просто без имен. Для начала, неплохо было бы распознать мотив убийства. Будет мотив, будут и подозреваемые.

– У нас есть неведомый молодой любовник, – напомнил Ян. – Который и правда мог убить ее из ревности. Ревновал он, понятное дело, не к старому носку Бочкову, а к кому-то еще – не думаю, что она отличалась склонностью к моногамии.

– Возможно, но тоже не слишком вероятно. Я сейчас не про моногамию. Посуди сам: этот тип паразитировал на девушке, которая, в свою очередь, паразитировала на Бочкове. Он прекрасно знал, в каких отношениях находится, и его все устраивало. С чего ему вдруг включать режим Отелло?

– Потому что псих?

– Вот поэтому и не слишком вероятно: психов не очень много, – рассудила Александра. – Но это если мы говорим о его собственном психозе. А вот история с наркотиками – другое дело. Если он был под наркотой, когда они поссорились, могло произойти... всякое.

– Ты думаешь, там была такая серьезная наркота?

– Нет, то, что было в квартире, больше похоже на психотропы, которые молодняк по клубам глотает, чтобы развлечься. Но мы ж не знаем, что принимает или не принимает ее любовник! Так что пусть будет такая версия.

– Это версия номер два. Выведем найденные наркотики в версию номер три? – спросил Ян.

– Естественно. Их в том пакетике было многовато для ин-

дивидуального пользования.

Ян тоже это заметил. Даже при том, что с деньгами у Алены проблем не было, зачем ей покупать так много? Она же не дура, понимает, что если ее с этим добром поймают полиция, количество таблеток напрямую повлияет на ее срок. К чему рисковать, если она в любой момент могла купить еще?

– Все указывает, что она барыжила. Все, кроме ее безлимитной кредитки.

– Это деньги Бочкова, – указала Александра. – А с ним она была чуть ли не на ножах последние несколько месяцев. Если он все активней требовал от нее бросить любовника, а она была к этому не готова, она планировала уйти. Уходить лучше с деньгами.

Что ж, справедливо. Пока Бочков терпел, потому что был заиклен на идее «исправить» свою возлюбленную. Но как только ему бы это надоело, Алена вмиг лишилась бы всего – и кредитки, и квартиры.

И все же она выбрала очень опасный способ зарабатывать... Хотя в двадцать лет представления об опасности размыты.

– Нам нужно узнать побольше о том, чем она занималась днем, когда не развлекала романтического Валу Бочкова, – решил Ян. – Тогда станет ясно, какую из трех версий нужно развивать.

– Четырех.

– Четыре-то откуда?

Им пришлось сделать паузу, когда официантка принесла их заказ. Они никогда не обсуждали, кто что будет брать, но всегда заказывали почти одно и то же – или нечто похожее. Это вроде как ничего не значило, но почему-то дарило теплое чувство. В детстве у них была та же привычка, и в такие моменты можно было поверить, что не было этих страшных четырнадцати лет и их жизнь с самого начала сложилась, как надо.

Официантка принесла их заказ, оставила Гайе лакомство – «подарок от шефа», и удалилась. Разговор, не предназначенный для посторонних ушей, можно было продолжать.

– Так вот, откуда четыре версии?

– Срач в квартире непрозрачно намекает на какое-то психическое отклонение, – пояснила Александра. – Только не говори мне, что ты этого не заметил.

– Я-то заметил, но я не представляю, что из этого можно сделать. Бочков не понимает, что творилось у нее в голове, у нас нет никаких зацепок. Для меня версия – это то, с чем можно работать. Здесь и сейчас работать не с чем.

– Не скажи. Бочков ничего не знает – флаг ему в руки и подписку о невыезде на шею. Поговорим с тем, кто знает.

Александра достала из кармана и положила на стол помятую визитку. На золотистой бумаге блестящими алыми буквами значилось: «Анастасия Плотникова. Психотерапевт», а еще – столь нужные им адрес и телефон.

По крайней мере, Ян предполагал, что они будут нужны.

Он все равно никак не мог сообразить, где Александра взяла эту визитку.

– Это кто?

– Похоже, лечащий врач покойной Алены Чубаровой, – отозвалась Александра. – Или так, или визитка, лежащая на полке у нее в квартире, была просто частью бессмысленной коллекции хлама.

– Александра, ты понимаешь, что стащила вещдок с места преступления?

– Ну, здрасьте! Кражей это было бы лишь в том случае, если бы я в ту квартиру погулять зашла. А я, вообще-то, следователь, который ведет это дело! Я взяла то, что нужно для работы.

Ян все это время стоял в квартире рядом с ней, однако понятия не имел, как и когда она умыкнула визитку. Это восхищало и чуть-чуть настораживало. Павел бы, пожалуй, не одобрил. Но кто спрашивает его мнение?

Психотерапевт была важным источником информации. Не только потому, что она знала причину странного «коллекционирования» Алены. Этой женщине могло быть известно больше о затянувшемся любовном треугольнике, наркотиках и личности любовника погибшей.

Но прежде, чем ехать к ней, близнецы решили заскочить домой. Яну хотелось переодеться, да и потом, во время расследования им удобней было ездить на одной машине, а значит, второй автомобиль нужно было загнать на парковку.

Они добрались до дома вместе и только на нужном этаже разошлись. Яну показалось, что Александра у двери своей квартиры замедлилась, будто прислушиваясь, что происходит внутри. Но это было бы глупо: кто там может находиться, когда Гайя с ней? Она ничего не пояснила, и Ян решил, что ему просто чудится.

Но когда они через двадцать минут встретились у машины, она выглядела настолько задумчивой, что удержаться от расспросов он попросту не мог.

– Саш, что-то случилось?

– А?.. Нет, ничего.

– Да, конечно.

– Ничего существенного, – уточнила Александра. – Просто этой ночью мы с Гайей нашли на улице побитого жизнью бродячего кота. Притащили в квартиру и оставили отлеживаться.

– Он, надеюсь, не умер там?

– Он наоборот: очухался и удрал в открытую форточку.

– И что? – удивился Ян. – Ты так мечтала о питомце, что тебя это расстроило?

– Не-а. Просто думала, что еще раз его увижу, прежде чем он слиняет... Ну да не важно. Поехали искать потенциального ключевого свидетеля.

Глава 3

С точки зрения Александры, Анастасия Плотникова была довольно бестолковым специалистом. Настоящему психотерапевту нужно долго учиться, постоянно совершенствовать мастерство, обладать стабильной психикой, да еще и выглядеть так, чтобы клиенты сразу чувствовали к нему доверие. Плотникова же закончила сомнительный частный институт каких-то там знаний, вместо семинаров тратила время на раскрутку в соцсетях, а выглядела, как викинг, упавший лицом в коробку акварельных красок.

Но она была модной. Она сделала себя такой – и привлекала молоденьких девочек вроде Алены Чубаровой, для которых мода превыше всего. Плотникова была не так уж плоха для клубных няшек, которым просто хотелось пожаловаться на жизнь, а потом запостить фото из кабинета психотерапевта в соцсетях. С грустной подписью, конечно.

Алене Чубаровой требовалось нечто большее. Одного взгляда на ее квартиру хватало, чтобы понять это. К сожалению, она пошла по гляцевому пути, и теперь Плотникова была ценна разве что как источник данных.

Но и с этим оказалось туго. Выяснилось, что терапевт, на своем сайте обещавшая клиентам чуть ли круглосуточную материнскую заботу, на несколько дней усвистала из страны. Она еще и телефон отключила, потому что ей «необходи-

ма была энергетическая разгрузка». Так что близнецам предстояло встретиться с этой энергетически разгруженной женщиной не раньше завтрашнего вечера.

Пока же им оставалось лишь сосредоточиться на результатах работы экспертов. Картина преступления становилась все любопытней и здесь.

На первый взгляд казалось, что преступник преследовал Алену, догнал на лестнице и насадил на арматуру. На второй взгляд, все оказалось сложнее. Погоня началась в квартире жертвы – на это указывала дверь, так и оставшаяся открытой. Но следов борьбы не нашли, а значит, Алена заглянула внутрь и сразу почуяла неладное. Возможно, даже увидела людей, поджидавших ее там. Она накануне работала в клубе допоздна, возвращалась домой посреди ночи, когда соседи уже спали.

Итак, она увидела кого-то подозрительного и сразу же бросилась бежать. Если бы она была на шпильках, в коридоре все и закончилось бы. Но Алена работала фотографом, она привыкла много двигаться, часами оставаться на ногах, она выбирала удобную обувь. Благодаря этому она оторвалась от своего преследователя и добралась до лестницы.

Однако лестница была крутая, жертва – перепуганная и не совсем трезвая. В какой-то момент Алена оступилась, на это указывала свежая травма лодыжки. Она сорвалась, полетела вниз... И, увы, произошло это на пятом этаже, где была абы как брошена арматура. Соседи уже подтвердили, что

со строительными материалами не раз игрались дети, строившие там некое подобие крепости. Так что стальной прут вполне мог выпирать вперед... Это никого особо не волновало, пока не произошла трагедия.

– Ты можешь объяснить, как именно это случилось? – уточнил Ян.

Получив отчет, близнецы обратились за пояснением к Наталье Соренко. Из всех судмедэкспертов, эта нравилась Александре больше всего: да, грубоватая, но умная и говорит строго по делу.

Соренко окинула следователя тяжелым взглядом и выпустила в воздух очередное кольцо сигаретного дыма.

– Ну, давай попробую... Это было примерно так: «О, помогите, я падаю!», чвяк.

– Наташа! – нахмурился Ян. – Мы же о смерти говорим, можно посерьезнее?

– Я всегда говорю о смерти, про другое меня спрашивают редко. Если буду только серьезной, придется с грустным табло ходить всю жизнь. Но – ладно...

Соренко огляделась по сторонам, затушила сигарету и подняла с земли небольшую палочку. Она достала из кармана какую-то бумажку и пробила ее палочкой.

– Смотрите: вот так ваша жертва налетела на арматуру. А вот что потом сделал ее преследователь. – С этими словами Соренко развернула бумажку на палочке.

– Ты считаешь, что она упала на прут случайно?

– Скорее всего, после падения она прилетела именно туда. Но чувак, который скакал за ней, и не подумал ей помочь. Он повернул ее в то положение, в котором вы ее нашли, рана однозначно указывает на это.

– И она была еще жива? – тихо спросила Александра.

– Была. Но совсем недолго.

При падении Алена выдрала ноготь и ударилась головой. И ноготь, и следы крови нашли на лестнице перед площадкой со строительным мусором. Это подтверждало версию Соренко о том, что Алена умерла случайно.

Но вот дальнейшие действия преступника показывали, что он бы все равно убил ее. Он устроил из ее смерти ритуал, начал всю эту муть с розовыми лепестками. Он не просто не помог ей, он полез руками в открытую рану! Для этого нужен определенный цинизм. Если бы это, скажем, был простой грабитель, он тоже мог и не помочь Алене – он бы сбежал оттуда в ужасе. Но до того, что с ней в итоге сделали, нужно еще додуматься.

К тому же, этот тип не оставил ни следов, ни отпечатков. Для такого обычно требуется опыт.

– Она была пьяна – насколько? – поинтересовалась Александра.

– Не сильно, – ответила Соренко, прикуривая очередную сигарету. – Пару коктейлей приняла. Но при ее весе этого достаточно, чтобы повлиять на координацию.

– А наркотики?

– Вот чего точно не было. Девонька была чиста на тот момент и до этого долго не употребляла.

Это лишь доказывало, что таблетки в ее квартире предназначались на продажу. Вот только кто их продавал – сама Алена или кто-то другой? В любом случае, пока в ее убийстве просматривалась ненависть. Это личное, ее хотели не просто убить, над ней поглумились. Вопрос в том, откуда взялась эта ненависть: от абстрактного помешательства ма-
ньяка или чувство было связано именно с Аленой?

Людей, которые могли это знать, оказалось не так уж много. Алена умела быть милой и приветливой, она нравилась если не всем, то очень многим. При этом близко она никого не подпускала. Несмотря на юный возраст, у Алены был дар, которым обычно могут похвастаться лишь лучшие переговорщики: она умела часами поддерживать беседу так, что всем было интересно, но никто потом не мог вспомнить, о чем она говорила.

И вот теперь, когда она умерла, оказалось, что правду о ее жизни толком не знает никто, начиная с мужчины, с которым она почти год делила постель. Психотерапевт оставалась их лучшим шансом на прорыв по делу.

– Ты с Пашкой больше не связывался? – полюбопытствовала Александра, когда они из морга возвращались домой.

– А смысл? Мне от него ничего не надо. Он не звонит по той же причине – добился всего, чего хотел.

Единственным, что омрачало возвращение Александры

домой, было нынешнее противостояние Яна со всеми. Ей казалось, что она перессорила всю семью... Да в сущности, так и было. Не важно, хотела она того или нет, важен результат.

Только истина объективна, правда, как известно, у каждого своя. Сейчас их брат и сестра выбрали ту правду, которая была угодна и удобна им. Они предпочли забыть о том, почему Александра пропала. Они взращивали обиду на почве того, что она не вернулась, когда у нее была такая возможность. Она вроде как предпочла держаться от них на расстоянии на двенадцать лет больше, чем требовалось. Значит, это она – предательница!

Один только Ян сразу понял и принял ее. Но понял он сердцем, если говорить о холодном понимании ума, ему до такого было далеко. Как, впрочем, и самой Александре.

Она ведь не раз спрашивала себя, почему вернулась так поздно, почему почти половину жизни провела вдали от самых дорогих людей. Почему так и не успела сказать матери, что она жива! Теперь уже некому говорить...

Нет, какие-то оправдания у нее были. С первыми двумя годами все понятно: ее похитили, никто не спрашивал ее, чего она хочет. Потом она беспокоилась, что похитители навредят ее семье. Александра хотела сначала стать сильной, а потом возвращаться домой! Ну а дальше-то она стала сильной... но так и осталась в Австралии до недавних пор.

У нее не было объяснения. Оно было у Эрика – и просто катастрофически ей не нравилось...

То, что ее муж оказался в больнице, казалось ей неправильным. Больницы – они ведь для простых смертных, с которыми случаются всякие неприятности. А Эрик – он нечто большее. Он сильный, он побеждал преступников, о которых иные боялись даже говорить. Так почему он должен был поддаться какой-то болезни?

Но болезнь – это враг совершенно иного порядка. Она не знает уважения к противнику за его ум и силу. Жалости и пощады она тоже не знает. Она подкрадывается незаметно, тихо, и выбирает поле боя, на котором ей невозможно противостоять.

Эрик все равно пытался. Он ведь не из тех, кто сдается! Когда врачи впервые объявили им диагноз, это Александра рыдала несколько дней, а он успокаивал ее, как маленькую девочку. Он был сильным за двоих – опять! Это пристыдило ее, заставило взять себя в руки и поверить, что Эрик действительно способен на очередное чудо. Ведь однажды он уже совершил подобное, когда спас ее! Он заслужил жить. Он должен был справиться!

И опять она мыслила категориями справедливости, которых у болезни не было. Сила и упорство Эрика привели лишь к тому, что он прожил в два раза дольше, чем пророчили медики. Чтобы не пугать Александру, он переносил на ногах страшные приступы и не ложился в больницу до последнего. Однако предел настает для всех, и однажды Александре самой пришлось вызывать медиков, когда она обна-

ружила мужа лежащим на полу без сознания.

Он оказался в белой палате, такой бледный, такой неправильно слабый... Она говорила ему, что скоро ему станет лучше. Он говорил ей, что скоро уедет отсюда. И оба понимали, что это вряд ли сбудется.

Она почти не отходила от него. У Эрика было много друзей, его устроили в одиночную палату, в которой хватало места для гостей. Был там и диванчик, на котором коротала ночи Александра. Она будто надеялась, что сумеет отпугнуть смерть, что пока она рядом, ничего плохого не случится.

Эрик чаще всего наблюдал за ней молча – теперь ему тяжело было говорить. Но в его глазах жила такая печаль, которую Александра раньше никогда не видела. Она наивно предположила, что он боится смерти... Но нет, это было бы слишком примитивно для Эрика. Оказалось, что у его последней печали совсем иная природа.

– Я виноват перед тобой, – тихо сказал он. Аппараты, поддерживавшие в нем жизнь, звучали громче, чем его голос. – И я хотел бы это исправить, но уже не успею... Поэтому я могу лишь надеяться, что ты простишь меня несмотря ни на что.

– О чем ты? – поразилась Александра. – Ты ни в чем не виноват! Ты меня спас! Ты прекрасно знаешь, что без твоего вмешательства судья пристрелил бы меня, как собаку, и закопал труп в общей могиле.

– Да... в том случае я был прав, а дальше – нет. Ты была травмирована. Ты нуждалась в помощи.

С этим не поспоришь. За те два года, что она провела в плену, Александра прошла через настоящий ад. После такого недостаточно одной лишь силы духа, чтобы просто не сойти с ума. Она была покалечена, она была, в некотором смысле, больна... Но ведь именно Эрик не дал ей окончательно слететь с катушек!

– Ты вылечил меня, – уверенно заявила Александра. – Ты помог мне вернуться к жизни, ты заботился обо мне!

– Я тоже в это верил до последнего. Если я могу хоть чем-то себя оправдать, то только этим. И тем, что любил тебя больше.

– Эрик, перестань! Ты все сделал правильно.

– К сожалению, нет. Я увидел, что у тебя украли мир. Я постарался заменить его тебе.

– И ты заменил!

– Вот именно. А должен был попробовать вернуть хотя бы часть утерянного, – горько усмехнулся Эрик, и на пересохших губах появились капельки крови.

– Эрик...

– Нет, подожди, дослушай. Я давно хотел сказать тебе это, да только смелости не хватало. Мы – это не только настоящее, но и прошлое. Это связь с людьми, которые нас любят. Я должен был помочь тебе вернуться к твоей семье.

– Ты предлагал – я сама не хотела!

– Мне следовало настоять, любимая. Ноя... я не хотел, пусть даже собственный поступок мне казался тогда правильным. Я думал, что тебе действительно нужно время, что ты сама выберешь, когда сообщить родным о том, что выжила. Но годы проходили, ты молчала, а я научился принимать это как данность. Ты любила только меня, и я понимал, что при возвращении в твою жизнь семьи мне придется разделить с ними эту любовь.

Что-то кольнуло у нее в груди, когда он заговорил об этом. Что-то подозрительно похожее на согласие. Но Александра быстро погасила это нелепое чувство, запретила себе винить в чем-то умирающего мужа.

– Это решение приняла я, – твердо заявила она. – Так или иначе, оно позволило мне вернуться к нормальной жизни.

Не совсем... Я не исцелил тебя. Я позволил тебе сменить одну психологическую травму на другую.

– Что ты имеешь в виду?

– Чтобы преодолеть боль и страх после рабства, ты впадала в созависимость... со мной. А я позволил это. Сейчас ты кажешься сильной, да ты и есть сильная... Но фундаментом этой силы стала наша с тобой любовь. Что будет, когда она оборвется?

– Эрик!

– Это случится, – настаивал он. И я попытаюсь сделать все, чтобы смягчить для тебя удар... Но тебе все равно будет трудно. Рано или поздно ты поймешь, что именно я сво-

им бездействием лишил тебя людей, которые могли бы тебя поддержать. Я лишь надеюсь, что, когда это случится, ты найдешь в себе силы меня простить. Я люблю тебя, Сандра, и буду любить всегда.

Она не поверила ему – из чистого упрямства. Александра сосредоточилась на всех лекарствах, которые вынужден был принимать Эрик. Конечно же, он не мог мыслить здраво с таким количеством химии в крови! Но это временно. Очень скоро он поправится, и они снова будут счастливы. Как же он может исчезнуть? На нем ведь держится весь мир!..

– Ты в порядке? – спросил Ян.

Его голос развеял иллюзию, увел ее из белесой больничной палаты в серый московский день. Не лучший контраст – но она хотя бы не одна здесь...

Возможно, Эрик был прав. Возможно, именно поэтому она не вернулась к своей семье раньше, и даже после его смерти ей потребовалась грандиозная встряска и четыре года реабилитации, прежде чем она решилась приехать в Москву. Но что толку рассуждать об этом сейчас? Исправить уже ничего не получится, ей только и остается, что жить дальше.

– Просто задумалась, – виновато улыбнулась Александра. – Что я пропустила?

– Мне прислали уточнение по таблеткам, которые нашли в квартире. Ты была права, это действительно клубная дурь, достаточно легкая, но далеко не безвредная.

– И в чем тогда уточнение, если мы и так знали?

– Конкретно эта дурь была замечена в трех московских клубах. В одном из них Чубарова работала накануне смерти – как фотограф, понятное дело.

– Но это легально, – догадалась Александра. – И персонал клуба мог быть в курсе, чем она занималась на самом деле. Предлагаешь ехать туда?

– Можно было бы, но давай все-таки после психологини.

– Почему так?

– В клубе начнут юлить, это однозначно, – пояснил Ян. – Лучше отправляться туда с максимумом знаний, которые мы можем получить. Тогда есть шанс не упустить новые факты о ней.

Александра не слишком любила ожидание в делах об убийстве – оно давало преступнику незаслуженную фору. Однако она была вынуждена признать, что Ян прав, да и ждать придется не так уж долго.

Они не назначали Анастасии Плотниковой встречу, они просто отследили ее и нагрянули в ее кабинет, когда она только-только добралась туда. Эффект неожиданности сработал как надо: при появлении двух полицейских Анастасия и не подумала отказываться от разговора, она была слишком испугана.

То, что она была не лучшим психотерапевтом, сейчас работало на них. Настоящий профессионал быстро взял бы себя в руки. Она бы сообразила, что, вообще-то, не обязана

с ними общаться, и сослалась бы на врачебную тайну. Они все равно добыли бы нужные сведения, но куда большими усилиями.

Однако настоящим профессионалом Анастасия не была. Своя шкура была ей куда дороже, чем репутация клиентов. Поэтому когда она узнала, что все дело в Алене Чубаровой, да еще и мертвой, она сразу же согласилась говорить, чтобы к ней и дальше не было претензий.

Они расположились в кабинете, где Анастасия обычно проводила сеансы. Александра видела кабинет своей старшей сестры, тоже работавшей психотерапевтом, ей было, с чем сравнить. В кабинете Нины Эйлер цвета были нейтрально теплыми, свет – приглушенным, мебель – удобной. У Анастасии Плотниковой были свои представления о работе. Кабинет она выкрасила в модное сочетание цветов – розового и бирюзового. Этот сомнительный тандем бесил даже Александру, никакими проблемами с психикой больше не страдавшую. Кушетка для клиентов была винтажная, в духе Фрейда, но вряд ли удобная. На стенах висели портреты Анастасии, причем порой довольно откровенные. Сложно было сказать, какую роль им полагалось играть в терапии.

Да и одета Анастасия была не как типичный психотерапевт. Она пришла в кабинет в трикотажном платье, которое было ей мало минимум на размер. Хотя чего-то подобного клиенты, следившие за ее аккаунтами в соцсетях, и ожидали от нее.

– Вы ведь заметили, что я почти не удивилась, когда вы сказали мне про Алену? – доверительно спросила Анастасия. – Я давно уже подозревала, что эта девочка плохо кончит!

– Вообще-то, вы должны были это предотвратить, – холодно указал Ян.

Александра бросила на него предостерегающий взгляд. Она была согласна с близнецом, но помнила о том, что Плотникову не нужно загонять во враждебность. Ян это понял и неопределенно пожал плечами, оставляя за сестрой право вести разговор. Александра наклонилась вперед и ободряюще улыбнулась собеседнице:

– Не обращайтесь на него внимания, он просто ничего не понимает в психологии! Думает, что если вы доктор, то можете творить чудеса. А некоторых людей просто нельзя спасти, они слишком активно сопротивляются этому. Разве я не права?

– Вы абсолютно правы, абсолютно! – оживилась Анастасия. – В какой-то момент стало понятно, куда катится Алена... Я все еще пыталась помочь ей, но нельзя спасти человека, если он не хочет быть спасенным! Хотя сначала все было хорошо. Терапия очень помогла ей с основной проблемой!

Той самой основной проблемой, с которой Алена пришла к психотерапевту, была kleptomания. Об этом Валентин Бочков не знал – но ему и не полагалось знать. Для него Алена стремилась остаться ангелом, а ангелы не воруют все,

что плохо лежит.

Детство Алены было непростым – пьющая семья, вечная бедность. Ее братья и сестры унаследовали стремление родителей топить в алкоголе ненависть ко всему миру. Но она хотела большего. Возможно, она выбрала не лучший путь, но она хотя бы пыталась изменить свою жизнь.

К своему роману с Бочковым она относилась просто как к работе. Этот мужчина стал для нее долгожданным билетом в нормальную жизнь. Но прошлое не отпускает по первому же щелчку, воспоминания об убогих детских годах превратились для Алены в навязчивую идею. Умом она понимала, что ей теперь не обязательно красть, у нее есть деньги, много денег. Однако в какой-то момент она переставала себя контролировать, она хватала все, на что упадет глаз, даже если это было ей совсем не нужно. Больше всего Алену мучало то, что она не находила в себе сил расстаться с украденной вещью. Несчастную охватывал чуть ли не суеверный ужас, у нее начиналась истерика, она не могла поступить правильно.

Хорошо было то, что Алена осознала свою проблему и предприняла попытку избавиться от нее с помощью психотерапевта. Плохо, что из всех психотерапевтов Москвы она выбрала именно Анастасию Плотникову.

– Мы решили эту проблему, – с гордостью сообщила Плотникова. – Алена научилась находить компромисс!

Алена по-прежнему крадала – но теперь об этом все были предупреждены. Анастасия приучила ее в любой ситуа-

ции выбирать объект не дороже ста долларов. Алена работала фотографом, поэтому крала преимущественно на месте съемок. Все ее клиенты получали скидку в размере тех самых ста долларов – и предупреждение о том, что может случиться. Если вещь, выбранная Аленой, стоила меньше сотни, клиент еще и выигрывал от этой сделки.

По большому счету, Алена все так же воровала, но уже не мучилась угрызениями совести. В ее жизни наступила пусть и плохонькая, но стабильность. А потом она влюбилась.

Не в Бочкова, естественно. Секс с престарелым романтиком оставался для нее печальной повинностью. Но Алена была молода, полна энергии, ей хотелось жить полноценно, а не просто сыто и обеспеченно. Так что появление у нее молодого любовника стало вопросом времени.

Правда, ее выбор Александра все равно назвала бы сомнительным. Алена сошлась с Игорем Коротковым – мужчиной, который к тридцатилетнему юбилею так и не обзавелся постоянной работой. Он гордо именовал себя поэтом и писателем, даже где-то как-то издавался – усилиями однокурсников по Литинституту. Но основным его времяпровождением были клубные тусовки, на одной из которых он и пересекся с Аленой.

Анастасия Плотникова этого Игоря никогда не видела – ни вживую, ни на фото. Но, по словам Алены, он был непередаваемо красив. Романтичная сторона молоденькой девчонки рвалась к нему. А практичная сторона девочки, выбрав-

шейся из трущоб, говорила, что Валентин Бочков – куда более надежный вариант. Просто дряблый и неприятный.

В какой-то момент Алена даже наивно попыталась примирить эти две стороны своей жизни, найти компромисс, как у нее уже получилось с kleптоманией. Она хотела объяснить Валентину, что все равно будет обслуживать его, даже за меньшие деньги, но жить при этом с Игорем. Не мог же этот без пяти минут дедок предполагать, что она действительно его любит?..

Оказалось, что мог. Это и привело к сезону скандалов между содержанкой и ее покровителем. Однако отказываться от «настоящей любви» Алена не собиралась и упорно маневрировала на двух стульях.

– Если б ей мужик нормальный попался, ничего б такого не было, – вздохнула Анастасия. – Я имею в виду, вместо Игоря. Увел бы ее и все! Но ей достался этот наркоман и утырок, вот и приходилось терпеть деда.

– Значит, Игорь был наркоманом? – насторожилась Александра.

– Алена несколько раз упоминала об этом, но когда я пыталась расспросить ее подробней, сворачивала тему. Думаю, она вообще не хотела это упоминать, оно само вырывалось... Ну, и я на нее не давила, что ж человека мучать, если ей неприятно!

«Психолог года», – мрачно подумала Александра.

– Она боялась Валентина Бочкова? – подключился к раз-

говору Ян.

– Нет, нисколько. Он был ей неприятен, это правда, и в постели – полный ноль. Но Алена не собиралась его бросать.

– Насколько нам известно, он угрожал ей.

– Да постоянно, как ни поскандалят! Но Алена никогда не воспринимала его угрозы всерьез. Она говорила, что он как старый пес: лает, да не кусает.

Вряд ли Бочкову понравилось бы такое сравнение. А вот Александра была согласна: спонсор Алены Чубаровой никак не подходил на роль ее убийцы.

– Что насчет любовника, Игоря? – поинтересовалась Александра. – В случае с ним страх был?

– Его Алена точно уважала куда больше, чем старичка. И, конечно, любила. Но страх... Страх не было. У Алены была очень непростая жизнь до того, как она переехала в Москву. Эта жизнь научила ее быть сильной, она могла за себя постоять.

Но в итоге это ее не спасло, потому что иногда постоять за себя недостаточно.

Свое мнение Плотникова пыталась подать как профессиональное, но ничего профессионального в нем не было. Зато ее показания были равноценны знаниям подруги, которой у Алены Чубаровой не было. Возможно, поэтому Алена продолжила сюда ходить – даже когда разобралась, что на доктора Анастасия не тянет.

Они получили от самопровозглашенного психотерапевта

все, что могли, и их дальнейшие действия стали более-менее ясными. Для начала нужно было найти этого Игоря Короткова – он со своей наркоманией плавно переходил в подозреваемого номер один, смещая на этом сомнительном посту Валентина Бочкова. Да и вся тема наркотиков нуждалась в пристальном внимании.

С клептоманией было чуть проще. Не факт, конечно, что в жизни Алены все стало так радужно, как расписывала Плотникова. Однако если заявлений на Чубарову не поступало, «правило ста долларов» действительно работало. А за сумму меньше ста долларов вряд ли будут убивать. К тому же, это убийство было эмоциональным, что тоже не тянет на связь с клептоманией.

Отыскать Игоря Короткова оказалось не так просто, как ожидала Александра. По адресу регистрации он появлялся крайне редко, жил в основном у друзей. Нельзя сказать, что он намеренно скрывался – скорее, бродяжничал, предпочитая получать все готовое. Так что на его поиск требовалось время.

А чтобы не терять это время зря, они решили заняться версией с наркотиками. Для этого близнецы разделились. Ян утром направился в участок, чтобы поговорить со следователями из наркоотдела и выяснить, чего можно ожидать от клубов. Александра же задержалась дома, чтобы вывезти Гайю в парк.

Расследование вышло на ту стадию, когда его участие не

требовалось. Выбор для дикого пса был невелик: или сидеть в машине, или оставаться в квартире. Оба варианта противоречили природе Гайи, но он принимал их со смирением.

Вот только Александре это все равно категорически не нравилось. Это ведь она выбрала для пса такую жизнь! Он-то покорно следовал за ней... Чтобы хоть как-то компенсировать ему бездействие этих дней, Александра и решила свозить его в парк. Да, он был умен – умнее иных людей. Но наблюдая, как он носится по обледеленым лужайкам и разыскивает в кустах брошенный ему теннисный мячик, Александра убеждалась, что он по-своему навсегда останется щенком.

С Яном они договорились встретиться в два часа и сразу направиться в клуб, поэтому сейчас Александра могла не спешить. Ее не удивляло то, что брат назначил такое позднее время: он успеет и с коллегами поговорить, и заскочить на обед к Алисе. Его желание скрыть крепнущую связь с этой девушкой забавило Александру. Она понимала, что дело не в недостатке доверия, Ян почему-то возомнил, что привязанность к кому-то – это слабость, за которую сестра его осудит. Ничего, привыкнет и перестанет таиться... Александру высоко ценила близость между близнецами, но без труда признавала, что у каждого должна быть и своя жизнь.

Они гуляли до двенадцати – пока Гайя стал не просто прихрамывать, а подволакивать больную лапу. Типичное для него поведение: беситься, не зная меры. Раньше Александру

это пугало, теперь она знала, что ничего плохого не случится, просто пес мирно проспит остаток дня. Она заехала домой, только чтобы оставить его в квартире. Однако уже на этаже она поняла, что придется задержаться.

То, что к ней пришли, можно было понять сразу: незнакомец и не скрывался. Он сидел на полу у дверей ее квартиры, явно дожидаясь ее возвращения. Впрочем, можно ли считать его незнакомцем, если совсем недавно она спасла ему жизнь?

На этот раз он был не в пальто и костюме, а в джинсах, свитере и куртке на меху, но вещи тоже дорогие. Зимние ботинки высокие, вроде как расшнурованы, но ходьбе это не мешает – значит, такая небрежность задумана дизайнером. Надо же, он еще и за модой следит – в свободное от попыток суицида время!

Она не ожидала снова его увидеть. Когда она вернулась домой в тот день, мужчины уже не было. Он ничего не разгромил и не украл, забрал только то, что принадлежало ему. Значит, очухался, понял, что влип в мутную историю, и удрал. Жить дальше или снова откуда-нибудь прыгать – это ее не касалось.

И вот он здесь, сидит у нее под дверью, и в самом деле напоминая бродячего кота. Когда Александра и Гайя подошли ближе, он не поднялся, хотя его лицо было почти на одном уровне с мордой пса. Его это не пугало, да и Гайя реагировал на него спокойно. Мужчина лишь поднял голову, чтобы

взглянуть на Александру. На этот раз он был гладко выбрит, причесался, а главное, глаза стали ясными, понимающими, умными... Тем хуже для него. Дальше ему придется жить с последствиями того, что он сделал пару дней назад.

– Я не знаю, как начать этот разговор, – тихо сказал мужчина. – Если вы хотите, чтобы я ушел, я вас больше не беспокою.

Вообще-то, это было самое умное и зрелое решение: отослать его прочь. У Александры своих дел хватало, у нее не было никакого желания разбираться в чужих. И все же было в этом мужчине нечто странное – настоящее отчаяние, доказывавшее, что его поступок не был капризом избалованного мажора. Да и не в том он уже возрасте, чтобы подростковыми капризами страдать!

Поэтому Александра отперла дверь, впустила в квартиру Гайю, потом кивнула мужчине.

– Заходи.

Она наблюдала, как он поднимается на ноги. Движения ловкие, сильные, его больше не шатает. Значит, он не пил с той самой ночи, тоже плюс к его репутации.

На кухню он прошел сам, без приглашения – во время своего предыдущего визита запомнил, где она. Сел за стол и отвернулся, делая вид, что его безмерно интересуется вид за окном. Даже если это серый, унылый двор.

Александра направилась к кофемашине, чтобы выставить нужный режим.

– Что, жалеешь, что ты не идиот? – поинтересовалась она.

Как она и ожидала, мужчина растерялся. Он-то наверняка ожидал упреков и нотаций!

– Почему?.. – только и смог спросить он.

– Потому что если бы ты был идиотом, тебе не пришлось бы мучиться сейчас от стыда, а еще раньше – от вины. Сидел бы себе под забором и благостно спивался. Ведь прямо сейчас с тобой ничего не происходит, и твой злейший враг – это твои мысли.

– Да уж... С мыслями беда.

Кофемашина зажужжала, спасая их от неловкой тишины. Александра не торопила гостя. Она не очень-то понимала, как вести себя в такой ситуации, и решила довериться инстинктам.

Скоро она присоединилась к нему за столом с двумя чашками кофе, одну поставила перед ним, другую забрала себе. Мужчина удивленно уставился на кофе.

– Откуда ты знаешь, как я пью?..

– Ты до того, как уйти, кофе себе сделал, – напомнила Александра. – По посуде, оставшейся в раковине, несложно определить, какой кофе ты пил.

– Да, было... Прости, но без кофе я немного подыхал. Хотя я дальше подыхал и с ним, только меньше.

– Не извиняйся, пустое. Если бы я считала тебя виноватым, я бы тебя в свою квартиру не привела, – указала она. – Расскажи мне, что с тобой случилось.

– Про такое лучше не говорить...

– Скажи, что можешь и что помнишь. Это ты мне точно должен. Да и потом, если бы тебе хотелось удрать от рода людского, ты бы не вернулся сюда.

– Я и сам еще не понял, зачем вернулся... Но – ладно. Меня зовут...

– Нет, – прервала его Александра. – Твое имя мне не нужно, а тебе не нужно мое. Это оставляет за тобой определенную анонимность, которая, надеюсь, обеспечит честность. Ты будешь уверен, что я никому не расскажу твою историю, потому что не знаю, кто ты.

– Это делает ситуацию еще более странной...

– Мне не привыкать.

Ему-то это все в новинку, и гадать не приходится. А вот Александра по опыту знала, что без имен иногда легче. Ее трюк сработал: мужчина заговорил свободней.

– У меня в жизни произошло кое-что такое, к чему я не был готов... Плохое... Да дерьмо, в общем, что слова подбирать! И это была моя вина. О том, что виноват я, никто не узнал – кроме меня самого. Но тут, как ты правильно заметила, против меня сработало то, что я не идиот... по крайней мере, недостаточно идиот. Я не мог перестать думать об этом. Хотелось наказания, но при этом не хотелось. Я сожалел о том, что сделал, но понимал, что сделал бы это снова, если бы пришлось. Есть такие поступки, которые ужасны – но должны быть совершены. Понимаешь, о чем я?

Александра вспомнила, как ей пришлось буквально перегрызть человеку горло, чтобы спасти собственную жизнь. Однако на того, кто и так в жутком стрессе, подобные откровения лучше не обрушивать.

– Да, я понимаю, – только и сказала она. – Я не буду пытаться у тебя, что именно ты сделал. Но этого оказалось достаточно, чтобы твой внутренний Достоевский загнал тебя на крышу.

– Нет, не на крышу, – покачал головой мужчина. – В клуб.

– Интересный маршрут к правосудию.

– Скорее, к прекращению боли. Мне хотелось хотя бы пьяной бравадой прекратить то, что со мной творилось. Я сказал бармену, что мне нужно все забыть... Сначала была водка, потом он давал мне нечто подозрительно ядовитого цвета... Не думаю, что это стоило пить.

– Поздравляю с прозрением. Что-нибудь еще было? – спросила Александра. – Помимо пойки.

– Не уверен... Может быть. Дальше я все помню урывками.

– Странно, что вообще помнишь! Когда я нашла тебя, ты был в шаге от алкогольной комы... и от края крыши.

– Это я как раз помню... Примерно. Я надеялся, что от бухла мне станет не больно, а стало, наоборот, больнее. Как будто алкоголь свел на нет все оправдания, которыми я раньше защищался... Все это показалось ненужным и ничтожным. Я был полностью уверен, что должен умереть... Даль-

ше – провал, и я понятия не имею, на какой крыше я был... Ты хоть пытай меня можешь – я не воспроизведу адрес, по которому поехал.

– Я могу сказать тебе адрес.

– Не нужно... Я больше забыть хочу, чем помнить! Но крышу я помню... Как стоял там... Было такое чувство, что я должен умереть, хотя я жутко этого не хотел. Как будто меня казнят, а я сопротивляюсь – но и казнь тоже я. Можешь начинать смеяться.

– Да как-то не хочется, – вздохнула Александра. – Меня помнишь?

– Тоже смутно, и чем дальше – тем меньше помню, какими-то урывками... Когда я проснулся тут, я помнил твое лицо и волчий вой... Помнил звук твоего голоса, но не слова. Помнил, что там, на крыше, я после звука твоего голоса почувствовал дикое облегчение, реально как будто камень с души... Что ты сказала мне?

– Я разрешила тебе не умирать, – мягко улыбнулась Александра. – Ну а дальше?

– Дальше – провал. Как будто ты мне что-то сказала – и я отключился, как мне хотелось с самого начала. Но ты ведь не тащила меня сюда?

– Нет. Сам шел. Ты мне все твердил, что тебя не нужно отвозить в больницу.

– В больницу и правда не нужно, – помрачнел мужчина. – Спасибо, что не отвезла туда... Да и вообще за все спасибо.

– Рискованное решение с моей стороны, не скрою. Ты был очень плох.

– А ведь я не алкаш...

– Тем хуже для тебя: твой организм не был готов к такому удару.

– Я хоть не сделал ничего совсем позорного?

Александра вспомнила, как он стоял голый посреди ее прихожей и как она вела его в душ.

– Нет, совсем ничего.

– Я... благодарен. Правда. Хотя сначала я охренел: проснулся непонятно где, в голове будто гранату взорвали, все тело ломит, в памяти только крыша... Потом нашел твою записку и стало легче. Я бы свалил сразу, но тело тогда не особо слушалось. После таблетки и кофе полегчало, кое-как уполз. Я почти ничего не помнил, но осознавал, что облажался по-крупному. Я утешал себя только тем, что мне не придется больше с тобой встречаться, а значит, и свидетелей у моего позора не будет. Я был уверен, что никогда не вернусь сюда и не увижу тебя!

– Я тоже. Что изменилось?

Это и правда был самый важный момент. Александра умела считывать людей и предугадывать их действия. Она прекрасно понимала, что стала свидетельницей грандиозного позора в жизни молодого, обеспеченного, наверняка успешного мужчины. Такие люди не возвращаются во внезапном приступе мазохизма, и он не должен был.

У нее пока не было никакого объяснения тому, что он здесь. Да и он вновь отводил взгляд, словно собираясь духом для признания пострашнее предыдущего.

Наконец он еле слышно произнес:

– Со мной что-то не так...

И вот тут велик бы соблазн ляпнуть какую-нибудь банальную глупость вроде «К психологу сходи!» Но Александра сдержалась. Эрик говорил, что в момент отчаяния человек приходит к тому, кому доверяет больше всего. И в какую же бездну должна была скатиться жизнь этого мужчины, если он больше всего доверял случайной прохожей...

Он замер, словно ожидая насмешки... словно надеясь на насмешку, которая позволит ему возмутиться и уйти. Но Александра молчала, давая ему шанс продолжить.

– Я не самоубийца. Я никогда не был самоубийцей. Я даже на стадии подросткового протеста такой фигней не страдал! Я из тех, кто, будучи загнанным в угол, режет других, а не себя... Так что тот случай на крыше меня сильно подкосил, когда я протрезвел. Я бы действительно прыгнул, если бы ты не пришла! Я списал все это на пьянку, поклялся, что больше никогда не дойду до такого состояния, что все забыто...

– Но забыть не получилось?

– Увы. Это случилось уже дважды... А ведь совсем немного времени прошло! Первый раз я был на десятом этаже и вдруг подумал – как здорово будет шагнуть из окна, тогда все закончится! Это быстро прошло, но секунду или две я

по-настоящему хотел этого... Не столько умереть, сколько прыгнуть... Это вчера. А сегодня утром я ехал по мосту, и снова появилось это желание... Не спрыгнуть, а вывернуть руль, чтобы машина вместе со мной рухнула вниз. Снова это желание лететь, зная, что в конце – только смерть... Я как будто схожу с ума. Сумасшедшим полагается обращаться к врачу, знаю, и я чувствую себя полным дебилом из-за того, что пришел к тебе. Но ты каким-то образом починила меня один раз, и я подумал... вдруг у тебя получится снова?

Ему нужна была помощь. Причем не ее, а медицинская, Александра это знала. Однако знала она и то, что иногда такую помощь невозможно принять.

Она бросила взгляд на Гайю, внимательно наблюдавшего за ними с порога кухни. Если бы этот пес мог говорить, он поведал бы о ней немало такого, о чем пока не знал даже Ян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.